

**МИХАИЛ
ДЕЛЯГИН**

**ВРЕМЯ
ПОБЕЖДАТЬ**

БЕСЕДЫ О ГЛАВНОМ

**Коллекция
Изборского
клуба**

Коллекция Изборского клуба

Михаил Делягин

**Время побеждать.
Беседы о главном**

«Книжный мир»

2014

Делягин М. Г.

Время побеждать. Беседы о главном / М. Г. Делягин —
«Книжный мир», 2014 — (Коллекция Изборского клуба)

Новые волны кризиса воровской экономики неизбежны. Раз за разом, удар за ударом они будут размывать международные резервы страны – до тех пор, пока эти резервы не кончатся, как в 1998 году, когда красивым словом «дефолт» прикрыли полное разворовывание бюджета, – и государство утратит контроль за всеми значимыми сферами общественной жизни. Реформаторы и клептократы дружной стаей столкнут Россию в системный кризис, – и нам придется выживать в нем. Задача здоровых сил общества в этой перспективе предельно проста: чтобы минимизировать разрушительность этого кризиса, чтобы использовать его для возврата России с пути коррупционного саморазрушения и морального распада на путь честного развития, надо вернуть власть народу, вернуть себе свою страну. Для выработки и распространения этой идеологии ведется интенсивная интерактивная просветительская работа, включающая радио и телепередачи, публичные дискуссии, издание книг – включая и ту, которую вы держите сейчас в руках. Нормальный, повседневный, человеческий разговор о наиболее острых проблемах выявляет правду и выражает словами позицию российского «молчаливого большинства». Ведь для того, чтобы овладеть историей, став тем самым из населения народом, надо сначала осознать свою правоту и обострить ее до кристально четкого и всепроникающего, всеобъемлющего, поистине универсального знания.

© Делягин М. Г., 2014

© Книжный мир, 2014

Содержание

Предисловие. Не мечтайте: мы не уедем	7
Введение. Проклятие жар-птицы: нам предстоит снова брать в руки свою судьбу	10
Глава 1. Истоки современной российской цивилизации	13
Основы русской культуры – основа российской цивилизации	13
Лидер XX века	23
Советский проект: кто и зачем ненавидит Советский Союз	33
Космос: воплощенное мечтание страны	44
Катастрофка-перестрелка, кто тебя выдумал?	54
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Михаил Делягин
Время побеждать. Беседы о главном

© М. Г. Делягин, 2014

© Изборский клуб, 2014

© Книжный мир, 2014

* * *

Предисловие. Не мечтайте: мы не уедем

Каждый из нас, живущих в насмерть реформируемой России, вот уже четверть века молча и мучительно, наедине с самим собой, решает вопрос об эмиграции.

Многие плюнули, снялись и уехали – и мы знаем, что в массе своей они устроились неплохо даже по меркам принимающих стран.

Однако огромное большинство из нас осталось.

Осталось в нарастающем произволе бюрократии, периодически переходящем в террор, в неравномерном, но в целом неуклонном ухудшении условий повседневной жизни, в ценовом и зарплатном беспределе, в освобождении от всех и всяческих иллюзий.

И все чаще приходится слышать от представителей правящей бюрократии простое и недвусмысленное, а иногда и недоуменное «уезжайте!».

Разумеется, не с телевизионных экранов, хотя неумимо и публично отливающий (хорошо, хоть «в граните») Медведев и «не видит ничего страшного» в массовом бегстве из страны молодых ученых и специалистов. Но в частных разговорах эта мысль выражается в последние годы вполне откровенно.

Вам не нравится кропотливое выпалывание последних ростков демократии? Валите на Украину, там она еще есть. Не нравится полицейский произвол? Поверьте, в Белоруссии вам будет значительно спокойней. Не по душе головокружительная дороговизна всего и вся? В Китае, куда уже бежало более 100 тысяч россиян, действительно, намного дешевле и честнее жить. Хотите безопасно провести лето или старость? Есть Крым, Черногория и Болгария, и это только бюджетные варианты.

А толковые специалисты найдут себе работу почти везде – разумеется, кроме России: что вы здесь делаете, недовольные? Или вы так ленивы, что не можете поискать себе и своим детям место на всем земном шаре?

Освободите место пока дешевым и почти на все согласным «трудолюбивым соотечественникам из ближнего зарубежья»: они по-настоящему нужны России, а вы здесь лишние, уезжайте!

И повторять диссидентское «это наша страна, а не ваша, вы и убирайтесь» – значит жалко пыжиться, зажмурившись изо всех сил.

Положа руку на сердце, признаемся молча хотя бы сами себе: это давно уже не «наша» – это давно уже «их» страна.

Почти четверть века либеральных реформ не прошли даром. Мучительная попытка регулярно рушащимися надеждами, дебилизация и старых, и молодых центральным телевидением, алкоголем и реформой образования, уничтожение науки и технологий, круглосуточный «курс молодого бандита и начинающей проститутки» под видом сериалов, вымаривание критического мышления беспощадной тотальной ложью, клановость и коррупция как образ жизни, разврат как суть культуры, гламур как надежная замена интеллекта, роскошь кучки напыщенных вельмож как национальная идея, агрессивная враждебность государства гражданину почти во всех его проявлениях, объявление экстремизмом энциклопедий – спасибо «вождям», что еще не таблицы умножения...

Это наша Россия?

Нет, это не наша – это их Россия.

Россия, больше похожая на кошмарный сон.

Конечно, я могу понять людей, искренне считающих смыслом модернизации получение автоматически отмытого «отката» через Интернет-банкинг и столь же искренне недоумевающих: почему в России еще остаются другие, лишние по всем официальным раскладам люди, которые чего-то зачем-то умеют и чего-то почему-то хотят.

И я могу им ответить. Да, многие не могут бросить родителей, не хотят обречь себя на второсортность в чужом обществе, надеются дать детям возможность реализации в своей культурной среде; многие просто пассивны.

Но ведь намного проще быть чужим в чужой стране, чем в своей собственной.

И главный ответ на вопрос о том, что мы все делаем в России и почему остаемся в ней, вопреки собственному рассудку и четко выраженной воле руководства, все же совершенно иной.

Мы остаемся и остаемся сознательно, чтобы бороться с самодовольно правящими нами ворами, идиотами и убийцами или хотя бы противостоять им иным, своим, собственно российским образом жизни. Не ради замены бутерброда с маслом на бутерброд с икрой, не ради нормальной жизни детей, не ради величия предков, поэтических образов, ракетного щита Родины и даже демократии, а в силу такой эфемерной вещи, как воспитание.

Так получилось, что мы выросли в тени великих побед и в ожидании побед собственных.

Вспомните: как бы мы ни относились к своей истории сегодня, Великий Октябрь был для нас, маленьких, всемирной победой справедливости. И красный флаг над Рейхстагом, пропитанный кровью наших дедов, – тоже. Вдумайтесь: близкие родственники погибли на фронте у половины даже ныне живущих россиян!

И, конечно, нетленная улыбка Гагарина тоже была победой, озарявшей наше детство.

Как поколение, мы не смогли добиться ничего сопоставимого, но выживание в 90-е годы и относительное благополучие в 2000-е, ничуть не менее жестокие, а просто более лицемерные, – это победа.

Да, всего лишь на личном и семейном, а не на государственном фронте, – но каждый из нас чтит память своих близких, павших на этой войне. Их не меньше, чем в тех, других войнах: зайдите на кладбище любого российского города.

И, одержав минимально необходимые победы для себя, мы пришли к тому возрасту и, если угодно, «расцвету сил», когда пора одерживать победы для других.

Если я живу «за себя и за того парня», что умер от голода, или сошел с ума от безысходности, или был убит в разборке или в Чечне, – значит, я должен и работать за него. Не только «за себя и того парня, что бездельничает в Кремле», – еще и за погибших на невидимых фронтах необъявленной, но отнюдь не менее жестокой от этого войны на уничтожение нашего народа, деликатно именуемой либеральными реформами.

И нам пришло время побеждать.

Не потому, что иначе мы потерпим полное и окончательное поражение и сдадим свою Родину очередному зверю, которое уже ходит, примериваясь и прицениваясь, по нашим улицам. Нет, нам, в общем, безразличны высокие слова, мы знаем им цену.

Нам пришло время побеждать просто потому, что в силу воспитания и жизненного уклада нам положено одерживать победы.

И, обустроив мало-мальски жизнь своей семьи, мы обязаны одерживать победы и для остальных – необустроенных.

Не потому, что без этого их неблагополучие сомнет и раздавит наши уютные мирки и вернет нас в ужас, из которого мы только-только выползли на трясущихся от страха и напряжения карачках, хотя это правда.

Причина другая: нас воспитывали и выращивали для побед, и отказаться от них – значит отказаться от самих себя.

Совсем не герои, мы, тем не менее, наследники победителей, воспитанные в тени не только той, нетускнеющей Победы, но и в тени будущих побед – побед, предназначенных нам.

Это наша естественная среда обитания, и, если мы отложили свои победы, то есть самих себя, на то время, пока выбивались в люди, рождали детей и выгрызали квартиры, – наивным будет поверивший в то, что мы отложили их навсегда.

Да, надолго, но это «долго» проходит.

И, с высоты нашей общей жажды общей победы, воистину «нет ни эллина, ни иудея», нет правых и левых, нет «поцреотов» и «либерастов»: есть только мы и они, только народ и толпа воров, не позволяющая нам жить и невыразимо жалкая в своей агрессивной ограниченной самовлюбленности.

Мы, народ России: бедные и богатые, «москаля» и «чучмеки», «мракобесы» и атеисты, сидящие и сторожащие, преподающие и не умеющие читать, управляющие, управляемые и не поддающиеся никакому управлению в принципе – останемся здесь и сметем вас, и вас больше не будет.

Никогда.

Поймите нас правильно: не потому, что это справедливо – справедливости нет, вы слишком хорошо научили нас этому, и на свою голову тоже.

Не потому, что так завещал нам какой-то бог или лично Владимир Ильич Ленин.

И не потому, что когда-то в школе нас учили, что красть и убивать нехорошо.

А потому, что мы так хотим.

Мы хотим не видеть больше ваших раскормленных или похудевших по последней кремлевской диете рыл, изрыгающих тяжелый шизофренический бред.

Мы хотим не терпеть больше вашу ложь и воровство.

Мы хотим не быть для вас биомассой, перерабатываемой в рублевские дворцы, океанские яхты и куршевельские загулы.

Мы хотим быть людьми – и нам не мешает быть ими никто, кроме вас.

И потому вас не будет. А мы, после вас и без вас, договоримся, несмотря на все различия и даже конфликты между собой: «Сочтемся славою – ведь мы свои же люди».

Прощайте, господа.

Мы остаемся. А вас мне даже не жалко.

Мне безразлично, из каких позолоченных трущоб и под давлением каких именно не поддающихся оспариванию аргументов вы через десяток или меньше лет, скуля о своих попираемых правах, будете вынуждены возвращать Родине украденное у нее.

Главное, что вы – такие надменные и властительные сегодня и так успешно «соскочившие» завтра – вернете все до копейки, приложив к последним копейкам свои шкуры.

И, признаюсь, желание увидеть ваши трусливые глаза в момент этого возврата удерживает нас на Родине ничуть не слабее, чем желание общей победы.

Введение. Проклятие жар-птицы: нам предстоит снова брать в руки свою судьбу

Время бесплодных упований заканчивается.

В суеде повседневного быта, неумолимо теряющего деньги, как раненый – кровь, в судорогах коммерческих операций, суеде поиска работ и приработков, в тумане тающих под лучами кризиса надежд, водоворотах митингов, обыденном страхе перед «полицаями»¹ и раздражении ложью руководителей страны нами постепенно овладевает понимание того, что все это скоро кончится.

Просто потому, что лгать так, как лжет значительная часть нашего руководства, так воровать и почти повсеместно проявлять такой идиотизм просто нельзя: есть образы жизни, несоместимые с ней, и они, эти образы, отнюдь не сводятся к образу жизни героинового наркомана.

Позвольте избавить вас от тошнотворных кропотливых доказательств сказанного выше. Кому не противно, может повторить то, что каждый день делают все больше наших сограждан: внимательно просмотреть и прослушать по телевидению любые официальные новости, а затем просто соотнести увиденное и услышанное с повседневной реальностью последних лет, которую они наблюдают вокруг себя.

Почти единственный способ взаимодействия государства с людьми, поразившимися картине, открывающейся при таком немудрящем сопоставлении, – Уголовный кодекс, точнее, его 282-я статья. Она позволяет трактовать недостаточно аккуратную по форме, пусть даже и полностью соответствующую действительности критику руководства как «экстремизм» и «разжигание ненависти по отношению к социальной группе “власть”» и карать ее судебными мытарствами и лишением свободы.

По сути дела, 282-я статья является прямой наследницей печально известных «сталинской» 58-й и брежневской 70-й. Об этом свидетельствуют даже схожие коллизии: во времена Брежнева надпись на заборе «Вся власть Советам!» была официально охарактеризована как антисоветская деятельность², а в современной России лозунг «Долой самодержавие и престолонаследие» не менее официально толкуется судебными экспертами как «призыв к свержению государственного строя»³.

Однако подавление протеста и даже простого недовольства отнюдь не устраняет его причину – глубочайшую коррумпированность государства, делающую нежизнеспособным не только само это государство, но и всю разрушающуюся на наших глазах страну.

Эта коррумпированность обуславливает неизбежность системного кризиса практически при любой мировой цене нефти.

В самом деле: мировая экономика уверенно движется в депрессию, единственный способ выживания на пороге которой – замена государственным спросом сжимающегося под грузом накопленных диспропорций коммерческого спроса. Короче говоря, «вливание денег» в экономику.

¹ Автору и самому странно вспоминать, что еще недавно людей этой профессии сердечно звали «милиционерами».

² Самое интересное, что с точки зрения формальной логики в этом не было никакого противоречия. Ведь основой Советской власти в соответствии с Конституцией СССР (со знаменитой 6-й статьей) была «руководящая и направляющая роль Коммунистической партии Советского Союза». Лозунг же «Вся власть Советам!» отрицал принадлежность всей власти КПСС; соответственно, он был прямо направлен против существующего строя, который официально считался советским!

³ <http://g-sarkisyan.livejournal.com/50051.html?nc=128>; <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/005/35.html>; <http://forum.msk.ru/material/news/2248988.html>

Однако в нашей стране это «вливание денег» не может сопровождаться действенным контролем за ними, так как такой контроль поневоле ограничит коррупцию и тем самым подорвет благосостояние правящего класса, а возможно – и сами основы государственного строя.

А что значит тратить деньги государства (в том числе через кредитную эмиссию Банка России) без контроля за ними?

Это значит не просто стимулировать воровство всех видов – это значит размывать международные резервы страны, ибо деньги, украденные у государства, в основном будут выводиться из страны. А чтобы уйти из страны, им нужно сначала превратиться из рублей в валюту, забрав ее из международных резервов государства на валютном рынке.

В первую волну кризиса, в конце 2008 – начале 2009 гг., международные резервы России (если убрать статистические фокусы) сократились на четверть триллиона долларов. Безумные деньги, на которые можно было заново отстроить всю страну, были брошены на разнообразные спекуляции.

К апрелю 2010 года примерно 100 млрд долл. удалось восстановить – благодаря росту мировых цен на сырье и решительному сокращению государственной поддержки экономики. Однако полностью предкризисный объем международных резервов не удалось восстановить даже в 2013 году.

«Против природы не попрешь»: нежелание следовать объективной потребности замещения государственными деньгами сжимающегося коммерческого спроса обернулось обострением «денежного голода», в первую очередь – нарастанием просроченной задолженности банкам. В «спокойном» 2012 году объем поддержки банковской ликвидности только бюджетными депозитами превышал 1 трлн руб. – больше, чем в первую волну кризиса! А ведь основную поддержку банковской системе должен оказывать отнюдь не бюджет, а Банк России.

Новые волны кризиса воровской экономики неизбежны. Раз за разом, удар за ударом они будут размывать международные резервы страны – до тех пор, пока эти резервы не кончатся, как в 1998 году, когда красивым словом «дефолт» прикрыли полное разворовывание бюджета, – и государство утратит контроль за всеми значимыми сферами общественной жизни.

Реформаторы и клептократы дружной стаей столкнут Россию в системный кризис, – и нам придется выживать в нем.

Задача здоровых сил общества в этой перспективе предельно проста: чтобы минимизировать разрушительность этого кризиса, чтобы использовать его для возврата России с пути коррупционного саморазрушения и морального распада на путь честного развития, надо вернуть власть народу, вернуть себе свою страну.

Для этого надо организовываться, – и мы создаем новые политические и общественные структуры, единым фронтом выступающие против догнивающей на чрезмерно терпеливых шеях клептократии.

Но, чтобы справиться с исторической задачей, мало просто иметь силы, – надо еще и понимать, что и зачем делать.

Только четкое понимание происходящего, причинно-следственных связей и, главное, реальных общественных потребностей, только идеология, в нашем сегодняшнем случае – идеология здравого смысла – устраняет ужас исторического творчества, порождаемый пониманием неисправимости ошибки и невозможности иметь необходимую для правильного принятия решений информацию.

Для выработки и распространения этой идеологии ведется интенсивная интерактивная просветительская работа, включающая радио- и телепередачи, публичные дискуссии, издание книг – включая и ту, которую вы держите сейчас в руках.

Нормальный, повседневный, человеческий разговор о наиболее острых проблемах выявляет правду и выражает словами позицию российского «молчаливого большинства». Ведь для того, чтобы овладеть историей, став тем самым из населения – народом, надо сначала осознать

свою правоту и обострить ее до кристально четкого и всепроникающего, всеобъемлющего, поистине универсального знания.

Присоединяйтесь.

Глава 1. Истоки современной российской цивилизации

Основы русской культуры – основа российской цивилизации

М. ДЕЛЯГИН: – Влияние культуры на экономику будет оставаться самой важной темой, пока существует русская культура... Точнее, пока существует российская экономика. Потому что, надеюсь, русская культура будет развиваться и после того, как рынок завершит свое существование и превратится во что-нибудь следующее.

Е. ЧЕРНЫХ: – Идут разговоры, что у нас особый свой путь, нам не нужно ничего западного. Или, наоборот, это путь в тупик, мы только с Западом можем идти, и русскость в конечном итоге погубит страну. Ваше мнение?

М. ДЕЛЯГИН: – До сих пор помню, как один наиболее уважаемых властями и СССР, и нынешней России телеведущий ответил на вопрос о главных проблемах России. Первая, по его мнению, это православие, которое якобы несовместимо с рыночной экономикой. Хотя это было опровергнуто давным-давно, и западные социологи в начале XX века, начиная с Вебера, просто принципиально не захотели принимать во внимание аргументов своих собеседников, в частности – Сергея Булгакова, великого русского философа.

А в качестве второй проблемы было названо то, что в наших паспортах до сих пор есть графа «Национальность». Это было в 2004 году, когда такой графы уже давно не было, но либерального телеведущего это не заботило. У него, вероятно, был какой-то другой паспорт. Хотя он числит себя большим патриотом России.

Так вот, разговоры о том, что русская культура ведет российскую экономику куда-то не туда, обладают примерно таким же уровнем адекватности, что и высказывания этого деятеля.

Культура – основа общества, как генотип – основа организма. Это самое устойчивое, что в любом обществе есть, это его становой хребет, и попытки заставить кого-то отказаться от своей культуры представляют собой попытки заставить его покончить жизнь самоубийством.

Е. ЧЕРНЫХ: – То есть культура – это не только литература, матрешки и балалайки?

М. ДЕЛЯГИН: – Даже литература и фольклор – детали, достаточно частные проявления. Культура – всеобъемлющее понятие; она определяет то, как человек ощущает себя в мире и как он себя в нем ведет.

Е. ЧЕРНЫХ: – И как хозяйствует.

М. ДЕЛЯГИН: – Да. В том числе, как хозяйствует, как общается, как договаривается с другими людьми. Это квинтэссенция общества и даже цивилизации.

Причем культура – вещь даже более устойчивая, чем народ, в определенном смысле слова, и уж точно более устойчивая, чем государственность...

У нас ведь было четыре типа государственности. Сначала государственность Московского царства, потом была Российская империя, которую точнее называть Петербургским самодержавием, затем – Советский Союз. Четвертый этап – то, что происходит сейчас: интенсивная коррупция под прикрытием пустопорожних разговоров о модернизации. Отличия между этими периодами колоссальны.

Более того: от периода к периоду во многом менялся и сам народ. Ведь исторический русский народ и новая историческая общность людей – советский народ – весьма существенно отличались друг от друга, подобно тому, как сын весьма существенно отличается от отца.

И российский народ, который сейчас мучительно формируется, – это не прежний советский народ, и это отнюдь не попытка вернуться на сто лет назад, к тому русскому народу, который существовал до революции.

Таким образом, у нас получается минимум три сменявших друг друга народа, объединенных общей русской культурой. Именно общность культуры позволяет нам говорить о единстве нашей цивилизации, единстве нашей истории, говорить, что Советский Союз был продолжением царской России в новых исторических условиях, а нынешняя Россия – продолжение и наследница Советского Союза в нынешних условиях.

Е. ЧЕРНЫХ: – Было московское царство, потом питерское самодержавие, потом Советский Союз со столицей в Москве, а теперь Россия, которая связана с Питером.

М. ДЕЛЯГИН: – Очень непоследовательно связана с Питером. Но зерно истины здесь есть: думаю, что Москва не должна быть столицей России. Это мое старое убеждение как москвича. В конце концов, некоторых представителей управляющих структур надо из Москвы куда-нибудь выселить: если не на 101-й километр и не в Магадан, то хотя бы куда-нибудь.

А если серьезно – в Москве слишком высока административная нагрузка. Столицей должен быть небольшой, исторический российский город, находящийся в суровых природных условиях. Последнее важно – чтобы туда ехали руководить, а не за красивой жизнью. По этому пути пошел, кстати, Назарбаев, под именем Астаны сделавший столицей Казахстана Целиноград.

Понятно, что Туруханск делать столицей нельзя: слишком сильны «неправильные» исторические ассоциации. Тобольск уже «занят»: насколько могу судить, он постепенно – и в силу тех же причин, кстати, – будет становиться духовной столицей Русской православной церкви.

Думаю, лучший вариант для столицы России – город Енисейск в Красноярском крае, небольшой и с очень богатой историей, «отец сибирских городов», находящийся сейчас, как и большинство таких городов, в чудовищном состоянии.

Е. ЧЕРНЫХ: – Расположенный в центре России?

М. ДЕЛЯГИН: – Не совсем, географический центр России находится в небольшом озере в Красноярском крае, но это не главное. Важно ограничить желание ехать в столицу просто так – чтобы чиновники были более бескорыстны.

Возвращаясь к теме: в нашей стране только после воссоздания единого централизованного государства было четыре типа государственности. И, более того, – три цивилизации, переходящие одна в другую.

Что их скрепляет? – Русская культура, которая как была, так и есть. И будет. Это важнейшее, что у нас есть.

Можно говорить высоким штилем: мол, Пушкин, Гоголь, ненавидимый нашими либералами Достоевский, Толстой и так далее. Но культура-то была задолго до Пушкина.

Эти гении – символы нашей культуры, но нам важны не символы, не повод гордо побить себя пяткой в грудь или оплевать себя, – нам важно понять, как же мы устроены, на что и как мы реагируем.

Это важнейшая, сугубо практическая потребность.

Ведь, когда закончится системный кризис, нам придется мучительно возрождать Россию, возобновлять становление российской цивилизации не как сообщества вольных или невольных, сознательных или бессознательных паразитов, но как самостоятельной творческой силы. Придется слезать, как с разрушившейся печи, с «советского наследства», и вставать на свои собственные ноги. И для того, чтобы они не подломились, очень важно понимать, кто мы такие.

Не познав самого себя, действовать так же бессмысленно и опасно, как и не познав объекта своего действия. Нам нужно полностью использовать свой позитивный потенциал и заблаговременно нейтрализовывать, насколько это возможно, наши негативные черты.

Самое главное, что мы настолько привыкли к своим особенностям, что часто их даже не сознаем.

Например, есть такая вещь, как «граница гуманизма». Большинство культур очень четко делят людей на «своих» и «чужих», очень четко проводит границу между обладающими всей полнотой прав человека и остальными, которые как бы не вполне люди, хотя биологически вроде бы являются людьми.

Е. ЧЕРНЫХ: – Голова, две руки, две ноги.

М. ДЕЛЯГИН: – Как говорил Аристотель, «двуногое без перьев». Эта граница проводится разными культурами по-разному. Носители многих культур, которые очень хорошо и подробно описаны, считают людьми в полном смысле слова лишь своих кровных родственников. Это очень серьезная вещь: если вы не кровный родственник, вас могут обидеть, причем иногда довольно серьезно. Потому что прав у вас никаких на самом деле нет, и, если вы не защищены, например, обычаем кровной мести, то вы никто и звать вас никак, и это для носителя определенных культур нормально.

Да, это архаичная культура, но оружие у ее представителей вполне современное, – и потому нужно всегда понимать, с кем вы общаетесь.

Общеизвестны культуры, которые не считают людьми в полном смысле этого слова представителей другого народа, другой расы или другого вероисповедания. И это есть до сих пор. Последовательный кальвинизм, например, до сих пор отказывает беднякам в праве быть полноправным человеком. Да и во многих совсем не кальвинистских странах бедняки не имели прав, в том числе политических, очень долго.

Почитайте «Федералист» – сборник статей мыслителей, которые создавали Америку. Эта философско-политическая проза – потрясающий документ. Его авторы решали задачу: как сделать так, чтобы народ не принимал участия в управлении государством, но при этом был абсолютно доволен? Это сложнейшая не столько философская, сколько практическая задача, которую решили, насколько можно понять, весьма успешно.

В конце концов, была диктатура пролетариата. Она тоже отказывала в праве на существование по социальному признаку.

Е. ЧЕРНЫХ: – Всяким интеллигентам, кулакам.

М. ДЕЛЯГИН: – В первую очередь – богачам и священникам. Во вторую – буржуазной интеллигенции и буржуа; кулаки-то ведь не были богачами. Другое дело, что она просуществовала недолго, потому что с такими настроениями сложно жить, и очень быстро гуманизировалась.

Но она была.

Есть культуры, которые не считают человеком женщину. Правда, в некоторых других культурах женщина, едва перестав быть объектом купли-продажи, показала пальцем на мужчину и сказала «Это мое!», но это уже философский юмор.

Может возникнуть ощущение, что это все в далеком прошлом, что это какая-то архаика, дикость, первобытность, глупость, от которых все прогрессивное человечество стремительно уходит семимильными шагами.

Но давайте посмотрим, как устроена самая прогрессивная в социальном отношении часть человечества. Американская культура, – не общая, не народная, а политическая, – очень интересна. Насколько можно понять, люди признаются в ней людьми в социальном смысле этого слова по одному из трех признаков.

Первый: образ жизни. Люди – это те, кто живут в условиях, которые американское государство признает демократией.

Второй критерий: это люди, которые живут в других условиях, но искренне стремятся к демократии. Причем степень искренности определяет опять-таки американское государство.

И, наконец, третий – это политическая целесообразность: людьми признаются те, кто живет в странах, которые являются союзниками США.

Обратите внимание: это абсолютно субъективный и сугубо прагматичный подход. Бывает так, что меняется администрация, и круг тех, кто признается людьми, меняется достаточно жестко и неожиданно, – как и круг тех, кто людьми не признается и кого поэтому можно совершенно спокойно физически уничтожить на основании сколь угодно нелепых выдумок и обвинений.

Так что игнорирование неотъемлемых прав тех или иных категорий людей, непризнание их людьми в социальном смысле слова – это не только архаика. Вот вам самая передовая часть современного человечества, – говорю это без всякой иронии, – и мы видим то же самое, только в профиль!

Е. ЧЕРНЫХ: – У вас нет демократии? Тогда мы летим вас бомбить!

М. ДЕЛЯГИН: – Дело еще и в том, что отдельный человек имеет меньше возможностей как-то защитить свои права перед этим современным государством, чем перед некоторыми архаичными монстрами. Например, если вы доказали человеку из архаичного общества, что вы его родственник, хоть и через десятое колено, – вы человек. Если вы рыному упертому католику сказали, что принимаете католичество, – вы человек. Но вы ничего не можете сказать американской администрации, потому что она далеко, и вы никак не можете повлиять на свое правительство, чтобы оно стало вассалом США и тем самым сделало вас человеком в их глазах! Вы беспомощны, здесь у вас меньше шансов, чем даже в некоторых архаичных обществах.

Е. ЧЕРНЫХ: – И более жестоких.

М. ДЕЛЯГИН: – И здесь тоже вопрос дискуссионный. Потому что, если вы не человек, вас можно обвинять в чем угодно, вас можно «вбомбить в каменный век», – это дословная цитата одного уважаемого американского руководителя, – и морить химическим оружием, как тараканов.

Мы знаем эту практику. И она считается нормальной. В крайнем случае, перед вами посмертно извинятся. Или скажут, как объяснил свои действия летчик, разбомбивший колонну беженцев: «Я же солдат демократии». Мол, по отношению к тем, кто в ней не живет, я имею право на все.

Это серьезно.

Это кажется сборником отклонений от нормы. Но, когда отклонения от нормы становятся массовыми, речь не об отклонениях – речь просто о другой норме.

До последнего времени история человеческой цивилизации была связана с неуклонным расширением круга признаваемых людьми. Это и было содержание социального прогресса.

Увы – глобальный экономический кризис создает здесь некоторую опасность, что все пойдет вспять. Просто исходя из чисто коммерческих и экономических интересов.

Но русская культура – чуть ли не единственная культура современного мира, которая априори воспринимает как человека в социальном смысле слова – то есть не просто «имеющим права», но «равного себе по правам» – любого, являющегося человеком биологически.

Можно говорить, что в этом подходе выражается всеобщий, всеохватывающий гуманизм, космизм, перекидывать мостики к философам и рассказывать, как это замечательно.

Но это не всегда замечательно. Когда вам кого-то нужно обаять, – да, это полезно. Затюканные колониализмом – старым или новым – вдруг обнаруживают, что к ним относятся по-человечески, и этой благодарности хватает надолго. Ведь в Афганистане «шурави», то есть «советских», поминают добрым словом до сих пор, даже многие из тех, кто с нашими там воевал, я это могу судить и по личному общению.

Потому что носитель русской культуры ко всем людям относится по-человечески, как к людям. И создает этим очень яркий контраст по сравнению с поведением представителей некоторых других культур, претендующих на большую развитость, чем мы.

С другой стороны, когда вас считают едой, а вы думаете, что вас считают человеком, – вы уязвимы.

Прошу понять: все черты русской культуры, о которых я буду говорить, объективны. Они не хороши и не плохи, они просто есть, и изменить их, по крайней мере, на жизни нашего поколения, нельзя.

Если управляющая система умеет соответствовать этим чертам, они превращаются в конкурентное преимущество. Если нет – они тянут страну на дно.

В частности, восприятие в качестве равноправных и равнозначных нам любых людей настолько органично для нас, что мы его уникальности не сознаем вообще. Лишь когда нас начинают резать как баранов или, как частный случай, морить либеральными реформами, – лишь тогда у нас возникают смутные подозрения, но мы боимся себе признаться в собственной уникальности, потому что истово верим, что все люди такие же хорошие и цивилизованные, как и мы сами.

В конце концов, мы решаем проблему непонимания окружающего мира обвинением конкретных «врагов» в конкретной «бесчеловечности».

А ведь проблема не у них – проблема у нас.

Проблема не в «бесчеловечности» наших конкурентов, а, напротив, во «всечеловечности» русской культуры, которая действительно уникальна в этом отношении.

Можно говорить, что эта особенность вызвана многоплеменным, по мере расширения – многонациональным характером русской культуры. Можно говорить, что она вызвана многонациональным характером русского этноса, который расширился тоже очень здорово.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как писал поэт, «затерялась Русь в мордве и чуди».

М. ДЕЛЯГИН: – Да. Кто-нибудь вообще помнит, что, скажем, чуваша, которых в России даже сейчас больше, чем чеченцев, удмурты, мари, мордва – это абсолютно самостоятельные, отдельные от русских народы? Мы все это, конечно, признаем на словах, но, глядя на представителей этих народов, однозначно идентифицируем их как русских, и большинство их тоже считает себя русскими, в крайнем случае «русскими удмуртами». Да, они с Волги, да, у них там есть своя специфика, но в целом – конечно, русские, какие вопросы?

И нам нельзя забывать потрясающую на самом деле вещь: очень долго Россия, да и сам русский народ формировались именно за счет признания «своими» людей других наций и даже религий. Если человек был нормальным, его признавали русским, и это был способ существования не просто государства – это был способ существования народа.

С точки зрения теории это означает очень важную вещь. Это значит, что наше общество еще до Московского царства складывалось, выражаясь западным языком, как «политическая нация», то есть как сообщество людей, объединенных даже не образом жизни – образ жизни был часто разный, – а ценностями. И потому это общество было максимально открытым для всех, готовых разделять эти ценности.

Когда нам объясняют: мол, вы быдло, вы никто, вы азиаты и коммунисты, хорошо хоть, не «пархатые коммунистические казаки», – это стоит помнить. Политики у нас, может, пока временно и нету, но вот политическая нация у нас есть с тех времен, когда на Западе еще такого понятия не было, и не было даже самого слова «политика».

Именно поэтому мы считаем человеком, равным себе, обладающим всеми правами, не только «своего», но и всякого, кто потенциально может стать «своим». То есть всех, кто не преступник, не враг, кто не доказал свою неспособность к сотрудничеству.

И это имеет практические выводы. Потому что именно всечеловечность русской культуры делает недопустимыми вновь активизировавшиеся попытки урезать границы России до территорий исторически населенных русскими регионами. Эта идея продвигается именно либеральными фундаменталистами, профессиональными «западниками», а в последнее время – и примкнувшими к ним «национал-демократами»: такими же либеральными фундаментали-

стами, только из якобы патриотического лагеря, пытающимися низвести Россию до состояния «недо-Эстонии». Эта идея порочна не только из-за практических проблем. Не только потому, что непонятно, к югу или к северу от Мурманска лежит реальная граница Северного Кавказа, не только потому, что непонятно, зачем России отдавать свои нефть и газ китайцам или кому-то еще.

Главная, фундаментальная порочность этой идеи – полное отрицание русской культуры, всечеловеческая сущность которой прямо требует считать своим любого, кто осознанной подлостью обратного не доказал.

Вот это принципиально. Это практический вывод из наших особенностей. Не потому, что мы патриоты, и поэтому нам не нужно сжиматься до границ XV века. Не потому, что мы корыстны и хотим сидеть на нефти.

Е. ЧЕРНЫХ: – «Расея моя Расея, от Волги и до Енисея».

М. ДЕЛЯГИН: – За эту песню я не знаю, что нужно сделать с автором. Мелодия-то хорошая, но...

Е. ЧЕРНЫХ: – Но слова, если вдуматься...

М. ДЕЛЯГИН: – Человек просто злоупотребляет гуманизмом послесталинского времени. Сильно злоупотребляет.

Готовность в качестве не просто партнера и союзника, но и «своего», равного себе, принять почти любого человека, проявляется в том числе в отсутствии в нашей культуре образа абсолютного зла. Это очень резко отличает нас от европейцев. У них есть понятие «абсолютное зло», непримиримое и в принципе неисправимое, – а у нас зло почти всегда относительное. Особенно ярко это проявляется в народных сказках, которые наиболее полно отражают вообще любую культуру любого народа, это вещь архетипическая.

Может быть, отсутствие образа абсолютного зла – результат длительного симбиотического существования под игом Золотой Орды, которая, с одной стороны, была злом, а с другой – объектом постоянного сотрудничества. Хотя бы для князей.

Е. ЧЕРНЫХ: – Хотя бы Александра Невского вспомнить.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, вот его, кстати, за дело святым признали.

Ведь главная его заслуга не в том, что он псов-рыцарей под лед дважды спустил, а в том, что он регулярно ездил в эту Золотую Орду и договаривался.

Е. ЧЕРНЫХ: – И спас Россию.

М. ДЕЛЯГИН: – Тот северо-западный ошметок, который был тогда Россией. И умер-то он на переговорах. Есть гипотеза, что он слишком хорошо их вел, так что ордынцы просто не знали, что с ним делать, и от дипломатического бессилия отравили.

А из бесспорных фактов стоит вспомнить, как в сказках добрый молодец договаривается с Бабой Ягой – символом Золотой Орды, и в итоге оказывается хитрее ее. Да и со Змеем Горынычем, и с Кощеем Бессмертным перед схваткой идут почти бесконечные разговоры.

Это органическая часть культуры: у нас абсолютного зла нет, а на Западе оно есть, причем почти во всех сказках.

Советская культура восприняла, хотя и предельно фрагментарно, образ абсолютного зла только в результате Великой Отечественной войны. У нас сейчас в языке есть слово, которое означает абсолютное зло. Это слово – «фашист». Но вся наша культура существует за рамками этого понятия, оно принципиально внечеловеческое. Сейчас, правда, либеральные реформаторы и воры, как их продолжение и порождение, потихонечку занимают это место. И ожесточение, связанное с этим, способствует обеднению русской культуры и снижению нашей конкурентоспособности.

В целом отсутствие или, как минимум, слабость образа абсолютного зла упрощает общение с представителями других культур, обеспечивает высокую гибкость и способность не только вести плодотворные переговоры, но и вызывать к себе долговременную симпатию.

А с другой стороны, когда мы сталкиваемся с людьми, у которых в культурном типе есть понятие абсолютного зла, и когда эти люди нас в эту категорию абсолютного зла по каким-то причинам зачисляют – достаточно вспомнить «империю зла» Рейгана, кавказских бандитов, русофобию некоторых прибалтийских и польских руководителей, – мы просто не понимаем ситуации. И, соответственно, ведем себя неадекватно. Потому что мы не понимаем, как можно считать кого-то абсолютным злом.

Но главное в русской культуре, наверное, – стремление к справедливости, к правде. Даже Чубайс это вынужден был отметить.

Причем это стремление почти религиозное. Справедливость – не просто высшая абстрактная ценность. Это абсолютно самостоятельная ценность, которая резко отделена от практических и корыстных интересов. Это касается и человека, и коллектива. Носитель русской культуры подчиняется сознаваемой им справедливости слепо и беспрекословно, как воинскому начальнику. Это открывает широчайший простор: и для манипуляции, и для мобилизации. Ведь если человеку объяснить, что лично ему не выгодно, тем не менее, является справедливым, он это невыгодное будет делать без тени сомнения. И защита своих интересов в данной ситуации воспринимается как нечто совершенно недостойное.

Русской культуре свойственно предпочтение справедливости не только перед личными, но и перед групповыми интересами, в том числе – интересами друзей и семьи. В результате стремление к справедливости приобретает иногда бесчеловечный характер. Недаром только у нас говорят, что справедливость – очень жестокая вещь.

Стремление к ней подразумевает требовательность. С ее точки зрения, пренебрегающий своими обязанностями человек недобросовестен, так как перекладывает свою часть ноши на остальных и пытается тем самым жить за их счет. Это, конечно, умеряется ленью. И это не распространяется на начальство, что очень забавно. В положение начальства входят и прощают ему что угодно, в том числе и то, что не прощают своим близким.

Даже само слово «начальство» – не «руководство», а именно некто неопределенный, кто «дает начало»: это же, практически, божественная функция. Но в отношении равных себе действует классическая формула: «Человек имеет право, пока исполняет свои обязанности». Это проявление справедливости.

Впрочем, наиболее популярной чертой нашей культуры, вокруг которой больше всего копий сломано, является борьба индивидуализма и потребности во внешнем объединении, пусть даже насильственном. Это жесточайшая внутренняя борьба, а не борьба двух философских течений. Единство и борьба этих двух противоположностей не просто свойственна русской культуре, – она является ее движущей силой и, более того, создает эту культуру.

Как только вы встаете целиком на одну из этих позиций – вы сразу выпадаете из русской культуры, слетаете с русской почвы на Запад или на Восток, но с одинаковой неотвратимостью.

Русская культура – это гремучая, но гармоничная смесь индивидуализма и коллективизма. Политическая победа любого из этих двух начал полностью дестабилизирует общество и разрушает его.

Причина сосуществования этих противоположностей представляется вполне прозрачной.

Исторически русская культура складывалась в крестьянских хозяйствах, которые экономически были по-европейски самодостаточны. Прекрасно могли обойтись без какой бы то ни было внешней помощи и потому были готовы стать первично самостоятельной ячейкой и основой общества, как в развитых странах Европы.

Но внешняя среда была абсолютно другой. И в этой среде эти европейские хозяйства были исключительно уязвимы. Кочевники и разбойники, которым большие пространства и растянутость коммуникаций давала больше шансов, чем Европе, редкость населения, княже-

ские усобицы, а затем и татаро-монгольское иго создавали постоянную необходимость защиты, объединения перед лицом внешних опасностей.

И формула российского общества – это **принудительное внешнее объединение**, в том числе под воздействием объективных причин, **полностью свободных внутренне элементов**. При этом такая внутренняя свобода доходит иной раз до состояния отморозенности. Ведь пушкинская «тайная свобода» на западные языки принципиально непереводаема. Внешне я подчинен, а внутри абсолютно свободен и в любой момент могу нарушить правила, – просто я понимаю, что мне за это будет. Хорошо помню это состояние полной внутренней свободы по службе в армии.

Но для западного сознания непонятно, как внутренняя свобода может быть «тайной», а для восточного – как она вообще может быть.

Таким образом, эта формула – наша. И на практике это выглядит, как **индивидуальное исполнение коллективных обязанностей**, а в коллективе – еще и сосуществование конкуренции и солидарности в каждой точке. Любой наш коллектив раздирается жесточайшей внутренней конкуренцией, лютой, без правил. И тот же самый коллектив по отношению к внешнему миру выступает абсолютно монолитно.

В политике принудительное внешнее объединение обособленных самостоятельных единиц проявляется как симбиоз носителя русской культуры с государством, но не наоборот: относительно своих граждан государство является отдельным образованием.

Для нас государство и страна – синонимы, и все попытки разделить их безнадежны. Есть народы, которые живут в ландшафте, в рамках закона, в бизнесе. **А мы живем в государстве.**

Носитель русской культуры ощущает себя отдельной личностью лишь постольку, поскольку является частью страны и государства. Отсюда фантастическая вещь: личность воспринимает свои права, как заведомо подчиненные интересам страны, воплощаемым в себе государством. И если это государство не зверствует и обеспечивает хотя бы самый умеренный и тихий прогресс, личность находится с ним в гармонии.

Потому что **государство – сверхценность русской культуры.**

Это не любимый либеральными фундаменталистами «ночной сторож» с министерской зарплатой и замком в Швейцарии, нет.

Государство – это форма существования русского народа, причем, единственная форма, доступная нам на протяжении, как минимум, вот уже нескольких столетий. Это социальная среда и скрепа, которая обеспечивает существование народа. Это не хорошо и это не плохо, это есть.

Ведь самые ярые нападки на ненавистную бюрократию включает использование слово «наш». Это фантастика! «Наши негодяи» на английский язык не переводится.

И слитность с государством дает российскому обществу колоссальную силу, когда мы едины. Когда же государство от нас отворачивается, – мы беспомощны и ничего не можем сделать. Очень важно, что симбиоз личности с государством делает невозможным внедрение в российское общество любых институтов и любых правил, основанных на отделении личности от государства: они просто не работают, глохнут, как автомобильный двигатель под водой. К моему глубокому сожалению, в эту категорию попадает и западная формальная демократия.

Демократия как способ максимально полного учета государством мнений и интересов общества у нас будет. Но другим способом, потому что на Западе она основана на суверенитете личности от государства, а у нас суверенитет с государством общий, неразделенный и не делимый на частные квартиры.

Проявлением этой неразделенности, слитности является и легендарная пассивность носителей русской культуры – то самое терпение русского народа, за которое после Победы истово пил Сталин.

В формировании этой пассивности ключевую роль сыграла «власть пространств над русской душой», о которой говорил еще Бердяев: всегда есть куда бежать. Наша страна росла за счет бегства населения на окраины, причем и в советские годы тоже. Тогда правило было простым: если вы специалист, хотите иметь более высокий уровень жизни и больше личных свобод – езжайте на Север или в национальную республику, вас там будут любить, холить и лелеять (хотя уже с конца 70-х годов русским специалистам во многих таких республиках приходилось уже туго).

Играло свою роль при формировании пассивности и длительное жестокое угнетение, и скудость ресурсов, которое ограничивало базу любого сопротивления и делало его рискованным. Ну, и европейское ощущение ценности своей жизни, потому что было, чем рисковать.

Но это терпение создает колоссальный соблазн и одновременно вызов для любой системы управления. С одной стороны, можно делать все, что угодно, – до определенного барьера прощают все. А с другой стороны, после этого барьера у общества «срывает крышу», и оно разносит все полностью, в щепки.

Эта разрушительность русского бунта вызвана симбиотическим сосуществованием общества и государства. Мы не можем протестовать против «отдельных недостатков». Советская власть, кстати, этого так и не поняла. Для нашего общества государство – вроде бога, от которого действительно «вся власть». И его либо принимают полностью, либо полностью же отвергают.

Поэтому, когда мы отвергаем порядок, мы отвергаем не какой-то конкретный порядок, нет. Мысль о том, что возможен другой порядок, более справедливый, становится достоянием значительной части общества только в исторически случайный момент. Обычно же мысль о возможности какого-то другого, понятного и конкретного порядка, просто не помещается в голове.

Если нас не устраивает конкретный порядок – нас не устраивает порядок как таковой. Это не революция против конкретной власти, это не протест против, условно, монетизации льгот, – это бунт против мироздания. Эта наша особенность очень важна для понимания нашей истории и практической политики.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но то, что было в 1917 году...

М. ДЕЛЯГИН: – Так было всегда. Можно вспоминать про Болотникова, можно про рубеж 80–90-х годов XX века. Никто ведь всерьез не занимался тогда построением какого-то нового порядка. Мы просто отвергаем власть дьявола и ждем, когда на нас снизойдет благодать божья. А потом огорчаемся, когда вместо благодати приходят совершенно «конкретные пацаны».

Это другая логика. Другое мироощущение, которое, вроде бы, приносит вред.

Но здесь есть очень интересный нюанс. Дело в том, что подспудно копящееся в обществе недовольство влияет на элиту, которая начинает бессознательно приспосабливаться, применяться к нему. И часть элиты заранее подстраивается под общество, хотя и безо всяких демократических институтов, – и возглавляет происходящий протестный взрыв или, как минимум, перехватывает часть его энергии, воспринимая бессознательный общественный запрос.

А это ведь та же самая демократия, «только в профиль» – только с другими механизмами. Да, беспорядок вместо всеобщих выборов. Да, большая разрушительность. А, с другой стороны, государству дается больше шансов одуматься. Это тоже в нашей традиции – давать шансы одуматься до последней минуты. А вот когда последняя минута истекла – ничего не поделаешь, «кто не спрятался, я не виноват».

Еще раз: это не хорошо и не плохо, это есть. И это не тот механизм, который мы изучали в институте. Да, очень неловко думать, что едешь в автомобиле, а потом вдруг обнаруживать себя на лошади. Но в определенных условиях она лучше – надо просто уметь использовать ресурсы.

Крайне важная часть общенациональной культуры – культура труда. В этой сфере мы отличаемся прежде всего тем, что не можем работать, да и вообще существовать без сверхзадачи.

Кроме того, нам свойственна весьма интересная трудовая мотивация: деньги важны, но важны не сами по себе, а лишь как символ справедливости. Поэтому их можно платить меньше, и поэтому у нас более экономное хозяйство.

И, наконец, наша культурная особенность: мы замечательно умеем делать то, что сложно и при этом не монотонно. Конвейер не про нас – нам нужно то, что требует сложного труда. Эта особенность изучена и названа «русским способом производства» западными социологами еще в начале XX века, до революции и до изобретения конвейера.

И это прекрасно, это дает нам место в конкуренции с Китаем, потому что культура Юго-Восточной Азии идеально соответствует конвейеру, а наша культура – следующему по сложности типу технологий, условно, «постконвейеру».

Наше дело – штучная, сверхсложная работа, которая и притягивает основную часть добавленной стоимости. Это наша конкурентная ниша, и она колоссальна. И это дает нам огромную возможность, просто нужно понимать, как ее использовать. Если будем запихивать себя в конвейер – ломаем шею, а если будем понимать, кто мы такие и как устроены – нет проблем.

Е. ЧЕРНЫХ: – А в чем конкретно может проявиться наша штучность?

М. ДЕЛЯГИН: – Вспомните: мы отвратительно делали легковые автомобили. И у нас были совсем неплохие часы, которые требовали чуть более сложной работы. А уж про боевую технику я молчу. Совсем не только потому, что все ресурсы были брошены туда. Гражданские самолеты тоже были отличные и даже экономные, хотя об этом думали в последнюю очередь.

Потому, что это более сложная деятельность, которая требует не конвейера, а бригадного подряда, говоря по-старому, и высококвалифицированных рабочих, которые, по сути дела, являются инженерами.

Вот к развитию таких производств нам и нужно «выруливать».

Да, общие, глобальные закономерности никуда не делись – они действуют. Но при реализации их мы должны учитывать и свои особенности – управленческие, политические, трудовые.

Кстати, о трудовых: авральность мы тоже должны обязательно учитывать при любом планировании. Сначала раскачка – потом аврал, и это неважно, сколько времени отводится на работу: год или 15 минут. 15 минут дайте на выполнение работы, которая занимает час, – и человек все равно первые две минуты будет задумчиво и с чувством курить. Это закон природы – нашей природы, и его нужно учитывать.

При неправильном управлении это наша слабость.

Но при правильном – сила.

06.12.2009

Лидер XX века

М. ДЕЛЯГИН: – «Не календарный – настоящий» XX век был открыт фигурой Ленина, прошел под знаком поклонения ему доброй половины человечества и завершён беспрецедентной хулой в его адрес.

Так бывает.

Как сказал продолжатель его дела, «после смерти на мою могилу нанесут горы мусора, – но ветер истории развеет их».

И мы видим, что уже развеивает.

Разочарование людей, обнаруживающих под маской «самого человеческого» бога вроде бы вполне обычного человека, с романами, болячками и ошибками, безмерно – и понятно.

Не зря ведь сказано «Не сотвори себе кумира».

И я совершенно не готов оспаривать конкретные обвинения, выдвигаемые в его адрес, начиная с того, что в свободные минуты он возился не с первыми попавшимися детьми, а с детьми высокопоставленных коммунистов, и кончая тем, что он якобы отдавал приказы об убийствах детей.

В конце концов, мне приходилось видеть аналогичные по значению приказы, отдаваемые не 90 лет назад, а совсем недавно, здоровствующими ныне, благополучными, уважаемыми и влиятельными людьми.

Работа с изнанкой истории воспитывает цинизм.

И в рамках этого рассмотрения я готов, в отличие, думаю, от большинства читателей, принять все обвинения.

Просто потому, что истории, как это ни печально, важен результат.

Первое, что бросается в глаза в фигуре Ленина – тактическая гениальность. Это воистину великий прагматик.

Способность быстро, почти мгновенно оценить ситуацию, расставить приоритеты, с железной волей следовать им, продавливая через все и всяческие препятствия, – а потом, увидев, что ситуация поменялась, резко и беспощадно к мешкающим и не понимающим развернуться, хоть на сто восемьдесят градусов, и решительно двинуться в новом направлении.

«Решительно» в ленинском стиле – означает с железной последовательностью, стремительностью и изобретательностью, позволяющей за счет тактической гибкости опережать более мощных противников и обтекать казавшиеся вроде бы непреодолимыми препятствия.

Именно за эту беспощадную и всепоглощающую последовательность, не останавливающуюся ни перед какими внутренними или внешними препятствиями, его называли «мыслящей гильотиной».

Это об этом стиле сказал Рождественский: «Повороты бывали всякие, пробирающие, как озноб. Даже самых сильных пошатывало, слабых – вовсе валило с ног».

Однако даже слабые, за редким исключением, не бросали его и не отбрасывались им, а получали возможность оправиться и вернуться в строй – и, в результате, качественно усиливали ленинскую организацию. Причина этого – в ленинском характере, в хрестоматийном «он к товарищу милел людскою лаской», во внимании и заботе к своим соратникам – достаточно вспомнить многократные прощения «иудушки Троцкого», возвращение дважды дезертировавшего (сначала к жене в Швейцарию, а затем к левым эсерам по время их мятежа) Дзержинского, прощение разгласивших дату выступления против Временного правительства Зиновьева и Каменева.

Ленин далеко не всегда поддерживался ими, часто был в меньшинстве, а часто вызывал насмешки – достаточно вспомнить реакцию руководства партии на кажущиеся сегодня хрестоматийными «Апрельские тезисы». Однако не свойственная времени и среде человечность,

проявляемая им, качественно усиливали его политический ресурс, создавали дополнительный, не видимый ни друзьям, ни врагам «запас прочности».

А «не отступать, не сдаваться», через любые препятствия и любыми маршрутами идти к сияющей путеводной звезде, не теряя ее из виду, помогала колоссальная личная энергетика.

Один из очевидцев событий 1917 года вспоминал, как пришел на митинг с участием Ленина, который проходил в цирке. Автор мемуаров сидел на верхних рядах, а внизу, на арене что-то кричал, почти бегая по ней кругами, маленький рыжеватый и лысоватый мужчина. Микрофонов не было, акустика была плохой, и не только слов Ленина, но и общего смысла произносимого им невозможно было разобрать. Но человек запомнил это выступление на всю жизнь не потому, что выступал Ленин, – в то время отношение к нему было значительно проще, чем в фильме «Ленин в Октябре», и обычные люди часто не выделяли его особо из общего ряда революционных вождей. Он запомнил Ленина потому, что был потрясен колоссальной позитивной энергией, буквально распивавшей этого маленького человека, – энергией, которой он заполнил и воодушевил весь цирк, основная часть которого просто не слышала его слов.

Жестокие и часто внезапные тактические повороты Ленина никогда не были, как это кажется иногда при чтении по диагонали учебников враждебно настроенных к нему авторов, беспорядочными суетливыми метаниями. Они были всецелом подчинены, как движение парусного судна галсами в условиях встречного ветра, достижению стратегической цели, которую он понимал на всем протяжении своей сознательной жизни четко и однозначно.

Уникальность Ленина – именно в сочетании тактика и стратега. В этом отношении он был универсалистом, обычным в эпоху Возрождения и столь редким для специализированного XX века.

Не потерять из виду стратегическую цель на протяжении всей жизни он смог только потому, что, помимо политика, был еще и разносторонним ученым-политэкономом, круг интересов которого протирался от экономической статистики до философии.

Наука занимала в его системе ценностей, безусловно, второстепенное значение и была, как и все остальное в жизни, подчинена цели построения нового, более справедливого общества. Именно это обусловило пламенную односторонность ряда его исследований, – но никакой практический интерес не убивал в нем ученого, не отвлекал его от поиска и нахождения истины.

Ветер века дул в его паруса: научная истина открывала перед ним дорогу в будущее.

Мышление Ленина, в отличие от мышления многих тогдашних и сегодняшних профессиональных кликуш от политики, было осознанно-диалектичным; рассматривая значимые явления (речь, конечно, не идет о публицистике «на злобу дня»), он последовательно проводил свою мысль через отрицание отрицания, не останавливаясь, вплоть до фиксации перехода количества в качество, и не стесняясь (когда это, естественно, не противоречило текущим политическим нуждам) признавать единство борющихся противоположностей.

Именно сознательное следование «по диалектическому маршруту» вкупе со стремлением максимально полно и всесторонне рассмотреть изучаемое явление обусловило знаменитое спиральное движение ленинской мысли, вбивающее в глухое отчаяние конспектирующих его работы студентов.

Потрясающая дисциплина мысли наделила Ленина и его последователей «пугающим интеллектуальным превосходством» над своими противниками, которое вынуждены были признавать даже последние.

И отнюдь не личная трагедия, но научное изучение своего общества показало Ленину, что царизм неререформируем, что его невозможно улучшить «изнутри», – и, следовательно, ему невозможно помочь: его можно только победить.

Он укреплялся в понимании этого, видя, с какой неизбежностью, а порой и жестокостью избавлялся царизм от всех профессионалов, способных повысить его эффективность, – включая самых верных и близких, вроде Плеве и Столыпина.

И это – в сочетании с колоссальной энергетикой буквально kloкочущих тогда масс – вселяло в него веру в неизбежность революции.

Конечно, руки опускались, и отчаяние брало за горло, и вырывалось, что революция в России будет не при его жизни.

Что с того? Как и все великие люди, он работал на будущее, а не на поздний вечер сегодняшнего дня.

Он видел цель не для себя – для всей страны, а в конечном счете, и для всего мира, – и только это позволило ему дойти до нее.

Согласитесь: в настоящее время здоровые силы России находятся в пугающе похожем положении.

Россия является страной с самой непредсказуемой историей в силу своей фантастической открытости для общемировых тенденций. Никакой «железный занавес», никакой изоляционизм, никакая гордость, никакие победы над Западом не могут помешать тенденциям общеевропейского (а теперь уже и глобального развития) проявляться в нашей общественной жизни – часто раньше и более ярко, чем в остальном мире.

В результате этой открытости развитие России определяется двумя, в долгосрочной перспективе – равнозначными факторами: внешним влиянием и внутренними процессами собственного развития.

В результате идеологизация – профессиональное заболевание большинства историков – позволяет им видеть лишь половину общественного развития. «Почвенникам» унинительно признаваться, что проклятый загнивающий Запад влияет на Россию столь же глубоко и серьезно, как и сама она, а «западники» точно так же не способны признать, что «холопы» и «быдло» способны определять свою судьбу ничуть не в меньшей степени, чем блистательные ясновельможные паны и просвещенные масоны.

Ленин виртуозно использовал оба фактора развития России, за что его порицают усиленно и, с моральной точки зрения, вполне справедливо.

Не будем лишь забывать реалий того времени. Так, во время русско-японской войны японская армия, по некоторым сообщениям, покупала лучшие в то время винтовки – трехлинейки Мосина, – производимые даже не на казенных заводах, а на заводах, находившихся в собственности царской семьи. Да, покупки делались, конечно, через третьи руки, но для заинтересованных лиц были секретом Полишинеля, и чудовищность этого была такова, что даже большевики после прихода к власти просто застеснялись (при всей своей легендарной беспардонности) предавать огласке соответствующие факты. Таким образом, получая деньги от японцев, революционеры, – если это действительно было, – вероятно, просто следовали примеру царской семьи.

С другой стороны, рассуждения о том, что партия большевиков пользовалась-де неким покровительством царской охранки, как правило, не сопровождаются объяснением поведения последней. А ее мотивы – опять-таки, если такое имело место – были просты: большевики (в том числе просто из-за своей слабости) не вели, в отличие от эсеров, масштабного террора против государства, – и уже поэтому воспринимались как относительно конструктивная группа, являющаяся вполне приемлемой альтернативой оголтелым террористам.

Сегодня мы просто не можем себе представить ожесточения революционного террора. Общее число его жертв в 1901–11 годах составляет 17 тыс. человек. С февраля 1905 по май 1906 года, по официальным данным, было убито 8 губернаторов и градоначальников, 5 вице-губернаторов и советников губернских правлений, 4 генералов и 7 офицеров армии, 8 жандармских офицеров, 21 полицмейстер, уездный начальник и исправник, 57 урядников, 79 при-

ставов и их помощников, 125 околоточных надзирателей, 346 городских, 18 агентов охраны, 85 гражданских чиновников, 12 священников, 52 представителя сельских властей, 51 земле-владелец, 54 фабриканта и старших служащих на фабриках, 29 банкиров и крупных торговцев. А в 1907 году, после провала попыток вооруженных восстаний, в среднем убивалось до 18 человек в день.

Власть, выстоявшая под этим кровавым смерчем, была прочной и во многом самоотверженной, но ее представителям было страшно, и большевики, шедшие на преступления преимущественно ради грабежа, были если и не «социально близкими», то, во всяком случае, более приемлемыми.

Кроме того, не будем забывать результата этого сотрудничества: революции, едва не принесенной в Германию на деньги ее Генштаба, и одного из высших жандармских офицеров, уволенных во время Первой мировой войны за настойчивые указания на большевистскую опасность, а затем возвращенного из эмиграции и успевшего еще в 30-е годы потрудиться консультантом Сталина по деликатным вопросам.

Ключевой момент жизни каждого политика – приход к власти.

Для Ленина это 1917 год: между Февральской революцией и разгоном Учредительного собрания.

Февральская революция была демократической революцией в полном смысле этого слова. Объединенные лидеры буржуазии, интеллигенции и военных, вдохновленные помощью Запада (представителям которого нужно было разрушение империй для расширения рынков сбыта; процесс закончился лишь с распадом Британской империи), свалили самодержавие, принудили слабовольного царя к отречению в пользу младшего брата, который заведомо не хотел царствовать и отдал им власть, и...

И позорнейшим образом провалились во всех сферах общественной жизни.

Они сумели лишь развалить – армию, государство и саму повседневную жизнь, смытую не столько митинговой стихией, сколько начинавшейся разрухой.

Это ничего не напоминает вам, друзья мои, пережившие демократическую власть в начале 90-х и видящие либеральное информационное наступление сейчас, в начале 2010-х?

Временное правительство, состоявшее из исключительно умных, цепких и талантливых по отдельности людей, оказалось коллективным ничтожеством.

По очень простой причине: оно не имело содержательной позитивной программы.

Его члены хотели политических свобод – и взяли их, и дали их народу, – и оказались в полном недоумении перед тем простым фактом, что народ хотел не столько свободы слова, сколько хлеба, работы и мира.

А обеспечить всего этого Временное правительство не могло, ибо в тогдашней ситуации, как и в любом кризисе, для решения содержательных проблем нужно было ограничивать эти свободы, а главное – обеспечивать развитие.

Не на уровне болтовни о «модернизации», «инновациях», «борьбе с терроризмом» и «войне до победного конца», а на уровне решения конкретных проблем за счет реализации стратегических модернизационных программ.

То, что потом сделали «тоталитарные» большевики, вся вина которых заключалась в том, что они не путали демократию с импотенцией.

А ведь для своего времени именно Ленин был главным демократом – человеком, обеспечивающим максимальное участие в управлении максимально широкому кругу людей. И даже диктатура пролетариата, при всех зверствах и жестокостях, с точки зрения учета власти интересов и мнений большинства людей, была демократией по сравнению с устройством царской России – да и многих других тогдашних стран. Другое дело, что искренне считающие «людьми» только социальную верхушку всякого общества заметить это, по понятным причинам, не в силах.

Коммунизм охватил полмира и стремительно распространился во всему человечеству не из-за подкупа, лжи и спецопераций (хотя мы знаем, что все это было), но прежде всего потому, что в то время именно он был идеологией освобождения и раскрепощения человека, идеологией реальной, а не «суверенной» демократии. Не случайно США, разглагольствуя о свободе и демократии, в своей внешней политике последовательно поддерживали диктаторов и «давили» демократов вплоть до второй половины 70-х годов, когда Советский Союз, раздавленный гниющей бюрократией, уже не был фактором раскрепощения человека.

Но при Ленине, при большевиках наша страна была не только одной из самых жестоких и страдающих, но и одной из самых демократичных в мире – если, конечно, понимать под демократией не соответствие формальным правилам, а реальный учет властью интересов и мнений населения. Классическим проявлением этого стал поворот к нэпу: да, всецело вынужденный крестьянской войной, на которую не хватало уже снарядов и газов, но и демократичный по своей сути.

Сколько режимов рухнуло именно из-за своей недемократичности, из-за неспособности встать на сторону народа против себя вчерашних?

Второй кульминационный момент взятия власти большевиками (если не брать, конечно, непосредственно самого «Октябрьского переворота») – разгон Учредительного собрания, завершивший этот процесс.

Мы хорошо помним, что оно было избрано демократически – примерно как последние Верховные Советы СССР и РСФСР, разорвавшие нашу страну. Мы хорошо помним, что большевики, которым де-факто принадлежала власть, были в нем в меньшинстве (из-за чего и разогнали). Однако мы практически ничего не знаем о наказах, с которыми ехали на Учредительное собрание его депутаты.

А указы эти были страшными.

Страна изнемогла в отчаянии Первой Мировой войны и демократического безвластия, она умывалась кровью, теряла силы и впадала в отчаяние.

Веры центральным властям было едва ли не меньше, чем сегодня федеральным, и не только практически все «национальные окраины», включая Украину, но и значительные регионы Сибири дали своим избранникам наказ добиваться выхода из состава России.

И те, как честные демократы, добились бы этого, уничтожив Россию, как уничтожили три четверти века спустя Советский Союз – безо всякой гражданской войны.

Да, большевики разогнали Учредительное собрание совсем не за это. Однако их тактический эгоизм и презрение к нормам умершего на тот момент права, как ни печально для любого юриста, были вполне оправданы с точки зрения национальных интересов России.

Целью Ленина было построение в условиях уже более чем столетней давности более свободного, более справедливого, более гуманистического общества.

И, несмотря на весь ужас, грязь и кровь революционной деятельности и гражданской войны, несмотря на то, что основная часть созидательной работы была сделана уже после его смерти, а во многом – и помимо его непосредственных замыслов, она была сделана его людьми и его организацией, любовно собранной и свинченной им руками, по человечку и камешку.

И потому в мировом историческом процессе он – победитель.

Е. ЧЕРНЫХ: – И теперь его в какой уже раз пытаются выбросить из Мавзолея.

М. ДЕЛЯГИН: – Не будем забывать, что Ленин на Красной площади был не положен или что-нибудь еще, а именно «похоронен», как положено, и даже по церковным канонам – ниже уровня земли. Поэтому официальное требование либеральных фундаменталистов – похоронить Ленина – выглядит извращением здравого смысла: зачем хоронить второй раз?

На деле они, вероятно, просто хотят надругаться над могилой ненавидимого им человека, отомстить ему за успешный порыв огромных масс людей к свободе и просвещению, и прикрывают это свое желание благообразными терминами.

Е. ЧЕРНЫХ: – Последние годы о Ленине если и вспоминают, то только в связи с Мавзолеем. Вынести его, похоронить, оставить ли, – а все сконцентрировано на Сталине. Якобы в стране два лагеря – демократы и сталинисты. Он чуть не стал «Именем России». Но стал Александр Невский.

М. ДЕЛЯГИН: – Александр Невский – тоже неплохо. А причины большей популярности Сталина по сравнению с Лениным просты. Ведь историческая функция Ленина заключалась в разрушении сгнившей системы. Он действительно гений – и тактик, и стратег. Ошибок делал много, но достаточно быстро исправлял большинство из них.

Ленин ведь был последний наш руководитель, который старался исправлять свои ошибки, конечно, если не брать Сталина и раннего Хрущева. Остальные наши руководители своих ошибок не исправляли и, насколько можно судить, не исправляют принципиально, даже осознавая их.

Так вот: эпоха Ленина была эпохой разрушения, хаоса. В горниле гражданской войны выковывалась основа нового общественного порядка, но она вышла на поверхность и наглядно реализовалась уже при Сталине.

Наше современное общество «наелось» разрушением, мы в этом разрушении пребываем уже более 20 лет, и 2000-е годы от 90-х в этом отношении отличались не принципиально. Пафоса было больше, «понтов» было немеряно, гламур вонял всюду, разговоры велись правильные, а объективные процессы продолжались те же самые. А в социальной сфере ситуация даже усугубилась, потому что в 90-е годы еще держался советский запас.

В силу этого человек эпохи разрушения – герой не нашего времени.

А вот у Сталина совершенно другая историческая функция. Он человек, который карал и созидал, – делал то, в чем наиболее нуждается современная Россия.

Причем карал он не только и не столько, выражаясь современным языком, «начальство», сколько народ. Но, поскольку жаловалось на него именно «начальство» в лице интеллигенция и руководителей разных сортов, в общественном сознании зафиксировалось, что он карал именно «начальство».

Зафиксировалось, что Сталин наказывал руководителей разного рода за преступления против своей страны, своего народа. Он выступил своего рода Воландом, который наказывает по заслугам, но вне права, потому что права нет. Ведь начало эпохи Сталина – это принципиальный отказ от права в нынешнем его понимании. Нам не нравится председатель Центризбиркома, ничего не смыслящий в избирательном законодательстве, а в то время, по инерции гражданской войны нарком юстиции (!) просто говорил, что факт или отсутствие факта преступления не важно, а важно социальное происхождение. И ведь порожденный этой логикой термин «социально близкий» держался очень долго – до эпохи Хрущева, – а в 2000-е годы был вновь введен в оборот практикой пришедших к власти «юристов».

Но наказание «начальства» в Сталине как фигуре современного общественного сознания не главное. Главное, что он был строитель. Это очень важно. Посмотрите: Лужков – строитель современной Москвы, и ему за это (и, конечно, за то, что он не отдал Москву либералам на поток и разграбление) прощают буквально все.

У грузин самый великий во всей их истории царь – Давид Строитель, на него до сих пор буквально молятся.

Но был ведь еще один грузин – строитель, правда, в значительно больших масштабах. При Сталине построены не только до сих пор комфортные и престижные дома – при нем построены промышленность, инфраструктура и практически все остальное. Кстати, масштаб домостроения за пределами Москвы был при позднем Сталине выше, чем при раннем Хрущеве.

Я плохо отношусь к Сталину, потому что он сделал многие непозволительные вещи. Но нелепо отрицать его историческое значение, особенно на фоне нынешнего уководства.

Его жестокость – следствие того, что он был в прямом смысле слова ищадием гражданской войны. Но он очень сильно старался, и более добросовестного руководителя у нас, увы, не было.

Поэтому общество, глядя на многих других руководителей, в том числе современных, и соотнося их деятельность с деятельностью Сталина, творит о нем в буквальном смысле слова легенду. И сейчас именно Сталин – единственная фигура, которая в общественном сознании выиграла бы выборы в Российской Федерации, причем без всяких вопросов, в первом же туре. И ответственные, честные демократы проголосовали бы тоже: ругались бы, кляли на чем свет стоит, но одна мысль о том, что нужно бороться с коррупцией, вернула бы их к здравому смыслу, и они проголосовали бы за Сталина.

Что касается Ленина, то на его долю выпала совершенно иная историческая функция – разрушения.

С другой стороны, очень многое из того, что скрывала о нем советская история, выяснилось совсем недавно. Про Сталина ведь нехорошие вещи были известны давно: XX и XXII съезды КПСС не замолчишь.

И, когда сегодня либералы требуют осуждения Сталина, приходится им напоминать, что сильно мною не любимая Коммунистическая партия Советского Союза товарища Сталина уже осудила – за полвека до их истерик. Причем осудила по полной программе, в выражениях совершенно не парламентских. И вся антисталинская деятельность либералов – это традиционная для них попытка свергнуть страну в прошлое и превратить в первоочередную новость события полувековой давности.

Так вот, возвращаясь к Ленину: общество узнало о нем много плохого, много аморального. Сталина ведь советская пропаганда выводила за скобки, чтобы не подставляться, а Ленин рисовался пряничным добрым дедушкой.

А он совсем не был добрым дедушкой. Он тоже был ищадием, и не только гражданской войны 1918–1921 годов, но и восстания 1905 года, и террористической войны, которая шла все первое десятилетие XX века и, по сути дела, тоже была гражданской войной. Наконец, старший брат Ленина был казнен.

А на войне как на войне – была и жестокость, и беспринципность. Причем с обеих сторон.

Когда мы говорим, что империя загнивала, это правда: загнивание было всеобъемлющим. И Ленин как продукт этого гниения, как инструмент этого разложения не может сегодня вызывать большой моральной поддержки.

Кроме того, Сталин, воплотив мечты «кремлевского мечтателя» в жизнь и развив их дальше, тем самым затмил Ленина как творца. Это просто аберрация исторического зрения. Если мы сейчас перенесемся в 1918 год, даже в 1920–1921 годы, в отмену военного коммунизма, то мы фигуру Ленина должны воспринимать как совершенно титаническую.

С введением нэпа, например, он совершил колоссальный разворот к здравому смыслу, причем внезапный и враждебный для его соратников. Мандельштам писал по другому поводу: «Огромный, неуклюжий, скрипучий разворот руля. Мы будем помнить и в летейской стуже, что десяти небес нам стоила земля».

Ведь все соратники Ленина в кровавой горячке гражданской войны требовали давить крестьянские восстания, убивать негодяев-контрреволюционеров. А он осознал, что большевики – и в первую очередь он сам – увлеклись, что человеческая, а значит, и историческая правда на стороне этих контрреволюционеров, которых большевики травили газами. И он тех, кто сопротивлялся с оружием в руках, добил, потому что ничего не сделаешь, а всю политику государства развернул в соответствии с их требованиями.

Это истинное величие.

А сегодня тема выноса Ленина из Мавзолея педалируется не только ненавистью к нашей истории, не только стремлением отомстить мертвым за собственное убожество, не только страстным желанием поплясать на костях, но и мелкими тактическими интересами.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как разменная монета.

М. ДЕЛЯГИН: – Как только нужно что-то получить от господина Зюганова – нажимается кнопка, и пара-тройка дежурных подрабинеков, которые всегда на подхвате, начинают петь свои песни про «вынос тела». Как только зюгановская КПРФ идет на попятную, и договоренность достигается, – клоуны прячутся: их дело сделано, тема закрыта.

Честно говоря, намерение разрушить Мавзолей и надругаться над могилой Ленина – это еще и стремление надругаться над историей и культурой. Потому что Мавзолей – это часть культуры нашей страны, ансамбль Красной площади неповторим. Единственный способ перезахоронения Ленина, о котором можно говорить, – это выставить вместо его тела голографическое изображение, которое ничем не будет отличаться от подлинного. Но зачем?

Е. ЧЕРНЫХ: – Говорят, большие расходы на лабораторию.

М. ДЕЛЯГИН: – А вы воруйте чуть поменьше, на полпроцентика, и денег на все хватит. Генпрокуратура посчитала, что масштабы коррупции по величине сопоставимы с федеральным бюджетом. Так что даже крошечного убавления воровства хватит не только на лабораторию, но и на многое другое.

Да и в целом это отговорка. Когда наше государство говорит, что ему на что-то не хватает денег, как правило, это означает, что оно чего-то не хочет делать. Потому что даже во времена, когда их и вправду не хватало, на политические цели всегда их было сколько угодно. Достаточно вспомнить выборы Ельцина в 1996 году.

А вот когда чего-то не хочется, тогда денег ни на что не хватает. А гробокопателям, любителям повоевать с мертвыми, которые уже сдачи дать не могут, я просто хочу напомнить, что у нас есть замечательный опыт вскрытия исторических могил.

У нас вскрыли одну историческую могилу – могилу Тамерлана, и на следующий день началась Великая Отечественная война. Пожалуйста, не надо повторять этот опыт.

Я хорошо отношусь к Ленину в целом. Но, если кто-то относится к нему плохо, вспомните поговорку: «Не буди лихо, пока спит тихо».

Так вот: не будите. Потому что прецедент есть – Тамерлана разбудили.

Да, конечно, это случайное совпадение. Я не мистик, я во многие вещи не верю, но, когда мы не знаем чего-то точно – лучше подстраховаться.

Мы не знаем, что такое тонкие поля, что такое информационные поля, мы не понимаем, как работают телепаты и ясновидцы, – значит, есть сферы, в которые просто не надо лезть. Вот на трансформаторной будке написано: «Не влезать! Убьет!» – и не надо туда влезать, не разобравшись, как она устроена. На Мавзолее написано «ЛЕНИН», а читать надо: «Не влезай! Убьет!». По крайней мере, всяким людям альтернативной политической ориентации...

Е. ЧЕРНЫХ: – Интересная ситуация была. Споры были еще во время его похорон, как его хоронить. Сталин, Калинин говорили, что надо бальзамировать, чтобы хоронить по-русски, не сжигать и устроить величественные похороны. Троцкий, Каменев, Зиновьев выступали против бальзамирования. Вроде бы это будут мощи, он сам против попов выступал, а это по их традициям его забальзамируют. Те же мощи появятся. Но ведь есть еще и версия, что его специально бальзамировали, чтобы потом оживить.

М. ДЕЛЯГИН: – Действительно, мощи, и вполне по православным канонам. Спору нет. Это и тогдашний патриарх Тихон признал де-факто, когда, в ответ на известие о том, что под Мавзолеем прорвало канализацию, произнес бессмертное «По мощам и елей».

Если вы почитаете всю революционную риторику, вы увидите: она насквозь религиозна. Потому что религия – это не священник в церкви или мечети, а определенное состояние души.

И не важно, чему именно вы поклоняетесь: революции, справедливости, братству народов или тому или иному богу, если вы поклоняетесь искренне, у вас есть только одна – религиозная – риторика, только одна – религиозная – интонация. И моральный кодекс спасителя коммунизма вы спишете с десяти заповедей, потому что больше не с чего списывать.

Религия – это огромный пласт культуры, который объединяет всех, хотя бы они этого или не хотят.

Бунт Троцкого, Зиновьева, Каменева против этого был вызван не столько их культурными корнями, которые мощей не предусматривают, но, как я полагаю, в первую очередь чисто тактическими утилитарными функциями.

Они были тогда самыми сильными политическими фигурами, и смерть Ленина давала власть им в руки. Это означало, что им не нужны были конкуренты. Забалзамированный Ленин как объект хоть и революционного, но поклонения, как слишком сильное напоминание о величии, был им объективным противником. Рядом с ним, как нашим нынешним руководителям рядом с народной памятью о Сталине, нельзя было быть полноценными властителями.

Е. ЧЕРНЫХ: – Сталин не испугался, именно на этом настаивал.

М. ДЕЛЯГИН: – Сталин не боялся памяти о Ленине, потому что, думаю, чувствовал, что он фигура, соразмерная ему и войдет в историю в этом качестве.

Есть потрясающая книжка Кожина «Правда сталинских репрессий». Совершенно не сталинистская, очень объективная. С популярным описанием, что происходило и как происходило.

Что же касается надежд на воскрешение, мы же не понимаем сегодня в нашей тщете и деградации, какой взлет мечты и взлет уверенности в возможностях человека, в силе человеческого духа породила революция. Это действительно было освобождение и раскрепощение. Ведь коммунисты были не бюрократами – они были людьми, которые поднимали человека из грязи. Они искренне хотели убить зверя, который сидит в каждом человеке, и они очень далеко по пути обуздания этого зверя продвинулись.

В том числе и в технике, была ведь масса до сих пор фантастических изобретений. Был Бартини, итальянский «красный барон», гений не только в авиации – он изобрел невидимый самолет, который действительно летал и был невидимым. А другие самолеты делались в крохотных мастерских; это было время всеобщего порыва к творчеству.

Чувство осуществимости – это самое главное чувство и в политике, и в жизни. Еще Кеннеди об этом говорил: его спросили: чем вы отличаетесь от всех остальных, и он ответил: я принес в политику чувство осуществимости. Мы все можем, «нам нет преград ни в море, ни на суше» – именно эта песня должна быть гимном нашей страны.

Для великих ученых должны быть великие политики, как Ленин и Сталин, способные их понять. Когда нам сейчас политические карлики, кабычегоневышлистики, коекакеры говорят, что вот, нужен бухгалтерский подход и, если в течение года или трех лет изобретение ничего не дает, оно не имеет права на существование, я напоминаю: уже был исторический опыт, уже был государственный деятель, который проводил именно такую политику.

Звали его Адольф Гитлер, в девичестве Шикльгрубер. Он закрыл все исследования, которые не давали эффект в течение года, – и убил тем самым великую немецкую фундаментальную науку, убил навсегда. Ее больше нет, и она не возродится: немецкий народ есть, а фундаментальной науки у него нет.

И мы должны помнить людей, которые первый Мавзолей Ленина строили в форме ракеты.

Е. ЧЕРНЫХ: – Но и выносить Ленина, по мнению Делягина...

М. ДЕЛЯГИН: —...это преступление против культуры и истории России. Об этом могут говорить только люди, которые страдают юношеским комплексом ненависти к своим родите-

лям, которые не могут до сих пор осознать свою собственную историю, которые ненавидят сами себя. Может быть, им так легче, но нам, России, этого не надо.

20.01.2010, 21.01.2010

Советский проект: кто и зачем ненавидит Советский Союз

...Ветераны борьбы с советской властью... сражались против коммунистов в лесах Литвы и Западной Украины, в горах Чечни и песках Средней Азии... Именно они – подлинные герои нашей страны.

А. Подрабинек⁴

М. ДЕЛЯГИН: – Перед обсуждением этой темы не могу не откликнуться на прозвучавшие сейчас новости, на призыв подумать о том, надо ли в связи с очередной трагедией менять власть в соответствующем городе.

Думаю, ответ должен быть такой: менять власть надо, но не в городе. Потому что это ведь трагедия далеко не одного только города – это типичная, стандартная трагедия всей нашей страны.

Не там, где погибали молодые люди, в том числе молодые начальники и дети влиятельных родителей – там, где погибали те, за кого заступиться было некому. Это дома престарелых, это школы, это СИЗО, в конце концов.

Проблема в том, что слово «пожарный», как и слово «милиционер», для слишком многих сегодня и по слишком весомым причинам ассоциируется не с выполнением «профильных» функций по обеспечению безопасности, а с наглым беспардонным и предельно циничным вымогательством. Такое ощущение, что для нынешнего государства нарушение правил – не то, что должно быть исправлено, потому что создает опасность, а то, что должно кормить проверяющих. И пока эта ситуация не изменится по всей России – по всей России, а не в отдельно взятом регионе, – трагедии, как это ни ужасно говорить, будут повторяться.

Поговорим же теперь о стране, в которой такого не было. О стране, о реалиях которой – вроде бесплатного образования и здравоохранения, нормальных судов и милиции – многие уже сегодня кричат на всех углах, что их не было, потому что не могло быть никогда.

Было другое, и было очень скверное – и Чернобыль был, и мародерство в Спитаке, и дедовщина в армии, хоть и не такая, конечно, как сейчас. Но массового, повсеместного восприятия нарушений как источника кормления толп проверяющих, массового растления народа в Советском Союзе не было, и представить себе такого было нельзя.

Уже больше 20 лет прошло с того дня, как в Беловежской Пуще собралась отнюдь не святая троица, из которой один – Борис Николаевич – уже ушел и от нас, и от действующего законодательства...

Несколько лет назад я оказался в Польше на конференции в Крынице, которая вылилась в совершенно фантастическую манифестацию ненависти к России. Думаю, каждый русский, каждый россиянин должен был послушать то, что там про нас говорилось, чтобы понимать, чего стоят на самом деле все эти разговоры о «европейских ценностях» и «цивилизованной Европе», чтобы ощутить, как люто их элиты ненавидят нас просто за то, что мы есть, что мы, несмотря на все старания либеральных реформаторов, все еще существуем...

И среди прочих там был Шушкевич, который выступал вместе с Валенсой. Ну, Валенса понятно, что такое: это простой честный слесарь... Знаете, Черномырдин когда-то сказал: «Мы далеки от мысли...» Потом подумал и уточнил: «От всякой мысли». Так и Валенса: у него до сих пор, уже 20 лет, продолжается непрерывный пароксизм восторга по поводу того, как он победил коммунизм и, как изящно выражаются московские либеральные интеллигенты, «раздавил гадину». Он не рефлексит, не думает о цене этой победы даже для Польши – он

⁴ Подрабинек А. «Как антисоветчик антисоветчикам». «Ежедневный журнал» от 21 сентября 2009 года (<http://ej.ru/?a=note&id=9467>).

непрерывно испытывает публичный восторг. Это цельный и органичный человек, к которому просто не может быть претензий: оргазму такой длительности, пусть даже и политическому, остается только завидовать.

И вот Шушкевич сидит рядом с ним на сцене и говорит, тихо и вежливо: знаете, я же ничего такого не хотел! Причем говорит он это аудитории, которая готова восторженно визжать от любого плохого слова в адрес России. А он говорит: да поймите, просто зима была, нужно было дизтопливо, а Горбачев его не давал. Вот я и решил у Ельцина попросить, а он с Кравчуком приехал, а Кравчук все и замутил.

То есть Шушкевич понимает, что соглашение в Вискулях, в Беловежской пуще было, при всех объективных предпосылках, может быть, и не преступлением, но, во всяком случае, злодеянием.

Е. ЧЕРНЫХ: – Шушкевич – это первый руководитель демократической Белоруссии.

М. ДЕЛЯГИН: – Он был единственный на руинах Союза не президент – Председатель Верховного Совета Белоруссии. Очень интеллигентный человек. Кравчук – украинский президент, насколько можно судить, был мотором развала Советского Союза, он буквально «уперся рогом» и пер на отделение Украины из всех сил, добивался этого любой ценой, любыми средствами. Не очень часто цитирую Путина, но сегодня хочется: «Кто не сожалеет об этом (о распаде Советского Союза. – М. Д.), у того нет сердца».

Е. ЧЕРНЫХ: – Еще он сказал, что это была величайшая геополитическая катастрофа XX столетия.

М. ДЕЛЯГИН: – Не простого столетия – столетия, когда история ускорила свой бег, когда рушились империи, все менялось, все воздвигалось, и мир за XX век перекраивался целиком и полностью несколько раз. Но Путин прав, то была величайшая геополитическая катастрофа даже на этом фоне.

И обратите внимание: в нашем обществе уже сложился массовый миф о Советском Союзе как о «Золотом веке» в истории человечества.

Так вот, дорогие коллеги, позвольте уж как очевидцу и свидетелю доложить, что это был отнюдь не «Золотой век». Это было время тяжелое, достаточно трагическое, когда наша армия воевала где-то какими-то своими частями почти каждый год, и приходили гробы. Подойдите в Свердловске, который сейчас из ненависти ко всему советскому сокращенно зовут Ёбург, к памятнику «Черный тюльпан» – там высечены почти все «необъявленные войны», в которых наши воевали, и то не все, по-моему...

Это в Советском Союзе Высоцкий пел, и правду пел: «И пули нас хотя и не косили, но жили мы, поднять не смея глаз. Мы тоже дети страшных лет России – безвременье вливалось водку в нас». Это он пел в том времени и о том времени, которое сейчас действительно кажется «Золотым веком», но лишь по сравнению с тем, в чем мы вынуждены жить сейчас.

И только под впечатлением от нынешних и недавних руководителей, только на их эмоциональном фоне можно было снять фильм про Леонида Ильича Брежнева, где он выглядит добрым дедушкой, прекрасным заботливым человеком, который старается для блага каждого.

Посмотрев такой фильм, протираешь глаза и думаешь: господи, а почему ж страна-то рассыпалась!

Это как в церкви иной увидишь икону Николая Второго и думаешь: господи, ну кем надо быть, чтобы почитать икону человека, доведшего свою страну до революции и гражданской войны? Отрекшегося от божьего помазания, то есть совершившего чуть ли не богохульство? Ведь царь, по тогдашнему сознанию, был божьим помазанником...

Сегодня, когда прошло скоро два десятилетия, мы можем смотреть на свою прошедшую страну с высоты истории. И видно, что Советский Союз не просто противостоял капитализму, который сейчас называется «Западом», – он находился с ним в диалектическом состоянии единства и борьбы противоположностей. Мир был разделен на две половинки, которые про-

никали друг в друга тысячами каналов, кстати, в этом отношении разговоры про «железный занавес» – это для журналистов и маркетологов.

Е. ЧЕРНЫХ: – И для Леха Валенсы.

М. ДЕЛЯГИН: – Ну да, и для польской элиты. Народ-то там правильный, но исторически ему так же, как и нам, с элитой «везет» просто феерически, нарочно не придумаешь.

Так вот, «железный занавес» был для обычных людей, а общества, экономики проникали одно в другое и влияли друг на друга. История так и вовсе была синхронизирована, причем даже в самые глухие и страшные сталинские годы. Посмотрите: на Западе 1929 год – год начала Великой депрессии, у нас – год начала коллективизации, «великого перелома», нашей реакции на Великую депрессию, которая нас, по официальной истории, как бы и не коснулась.

Советский Союз и Запад действительно были двумя частями единого целого, единого мирового хозяйства, которые друг друга враждой, но поддерживали, развивали и друг без друга, в конечном счете, существовать не могли. В начале 70-х годов XX века, когда обанкротились США... Мы этого политкорректно не произносим, но отказ Никсона от «золотого стандарта», от обязательств гарантированного обмена золота на доллары в переводе на русский называется банкротство. Потому что, когда кто-то говорит: «Да, у меня есть обязательства, но я больше не могу их выполнять», – это и есть банкротство.

А затем грянул «нефтяной кризис» 1973–1974 годов. Тогда Советский Союз мог разрушить мировую капиталистическую систему, но его руководство приняло осознанное решение этого не делать. Получилось, как по Салтыкову-Щедрину: «от него злодейств ждали, а он чижика съел». В виде заключения Хельсинкских соглашений о нерушимости государственных границ в Европе.

Причина в том, что советское руководство к тому времени уже в целом пропиталось ценностями материального потребления, то есть ценностями Запада, восприняло их как единственно возможные для себя, и для него конец Запада был бы концом света. А с другой стороны, они ощущали, вероятно, что социализм и капитализм – две половины мира, и одна половина без другой существовать не может.

Прошло менее 20 лет, и, когда аналогичная возможность уничтожения противника открылась перед лидерами Запада, они разрушили Советский Союз, не колеблясь: это были люди заметно менее культурные. Нашу страну – и нас вместе с нею – раздавили с воплем «Раздавить гадину!», как потом подвывала либеральная интеллигенция. Но, сделав это, мировой капитализм немедленно влетел в мировой кризис и, по-видимому, тоже закончился. Мы это уже видим.

Сегодняшний Запад, капитализм без социализма – это, как говорят на Востоке, «хлопок одной ладонью». Такое бывает, но недолго. И сейчас, на наших глазах, заканчивается – и мы называем его завершение «глобальным финансовым кризисом», просто потому, что других слов пока еще нет.

Я объясняю все это, чтобы лучше показать: Советский Союз был важным этапом развития не одной лишь нашей страны, а всего человечества.

Он потерпел поражение, рассыпался по трем базовым причинам.

Главная – разложение системы управления: наше общество создавало лучший в мире «человеческий капитал», который использовался наихудшим образом. Потому что система управления была очень косной, унаследованной из позапрошлой эпохи. И эта система управления, получив нефтедоллары для своей подпитки, получила тем самым возможность уничтожить развитие ради самосохранения. И она сделала это и сгнила.

Внешне уничтожение развития выглядело как чрезмерно агрессивный идеологический контроль, вызывавший всеобщее негодование и недовольство.

Главное достоинство советской цивилизации – неприятие наживы как высшего смысла человеческой жизни. А главный порок – агрессивное навязывание идеологических ритуалов.

Грубо говоря, государство «лезло в мозги» гражданам, даже когда это не было нужно, и при-
нуждало их к предательству.

Вторая причина распада Советского Союза – отказ его руководства от культурной асси-
миляции национальных элит, которая проводилась не только в царской России, но и до конца
Сталина и даже в начале периода Хрущева. Но уже при том же Хрущеве эта политика смени-
лась на безудержное пестование обособленности именно национальных элит, которые потом
страну и порвали на части.

И третья причина распада – наши замечательные спецслужбы, которые, на беду, были
не коррумпированы. Сахаров был прав, называя КГБ наименее коррумпированной структу-
рой власти... И, когда эти малокоррумпированные и сравнительно эффективные менеджеры,
находясь под гнетом партийного контроля, видели, как разлагается партийное руководство,
но ничего не могли с этим сделать, они породили феерическую идею: «качнуть ситуацию»,
дестабилизировать ее для того, чтобы дискредитировать коммунистическую власть, свалить
ЦК КПСС, поставить нормальное руководство и за его спиной самим прийти к власти.

Насколько можно судить, замышлялась демократия примерно как в Турции, которой, по
ряду признаков, на деле управляет генеральный штаб. На практике реализация этой идеи выли-
лась в стимулирование демократических и национальных движений, которые, выйдя после
смерти Андропова из-под контроля, и развалили страну.

Напомню, что для всех частей Советского Союза, даже для Прибалтики его распад стал
национальной катастрофой. За первые три года «либеральных реформ» промышленное про-
изводство в России упало почти вдвое, инвестиции – вчетверо, уровень жизни снизился неиз-
меримо, и виноваты в этом были отнюдь не коммунисты.

При этом многие регионы были отброшены в условия натурального хозяйства, а многие
в них прозябают до сих пор. Но более чем за два десятка лет полноценное государство так и
не сложилось. Это конгломерат нескольких группировок, которые солидарны только в игно-
рировании интересов народа, это совокупность не общественных интересов, а начальников со
своими секретаршами.

В 2000-е Россия непрерывно «поднималась с колен» в тщательно умалчиваемую офи-
циальной пропагандой позу, на нее лил золотой дождь «нефтедолларов», гламур стал бытом
правлящей верхушки, а еще легальный Чичваркин проводил на Лондонском экономическом
форуме целое заседание о роскоши как национальной идее России.

И каковы итоги?

Если брать годы после уничтожения Советского Союза в целом, доля России в мировой
экономике сократилась более чем в 2,7 раза: с примерно 6 % в 1990 до 2,2 % в 2009 году. Все
остальное постсоветское пространство, включая Прибалтику, рухнуло еще страшнее – более
чем втрое: примерно с 3 % в 1990 году до 0,9 %. Это подлинная катастрофа. Это безвозвратная
утрата технологий, научных школ, которые были отнюдь не только в России. Все, включая
нас, отброшены в положение стран третьего мира, причем разрозненных. Утрачен культурный
уровень, разрушены системы образования и здравоохранения. Одичание масс и деградация
социумов идет полным ходом, они отнюдь не прекратились, – я говорю не только про Россию,
но про все постсоветское пространство, включая Прибалтику.

Е. ЧЕРНЫХ: – Идет вымирание.

М. ДЕЛЯГИН: – При этом в нашей стране лучшие черты Советского Союза забыты и
преданы анафеме. Более того: почти официально заявляется, что их никогда и не было. А вот
худшие черты Советского Союза или, как говорили при его развале, «совка», трудолюбиво
возрождены.

Достаточно вспомнить однопартийную систему. Люди, которых когда-то тошнило от Коммунистической партии Советского Союза, сейчас, попав в «Е...ную Россию»⁵ или в официальные молодежные структуры, говорят: КПСС все же была лучше, поживее и намного более честной.

Даже если взять не благо всех, а благо отдельной личности – после распада СССР мир стал более комфортным и безопасным лишь на очень короткое время, пока вместо старых опасностей – конфронтация двух систем, риска ракетно-ядерного уничтожения – не появились новые.

Это случилось очень быстро после исчезновения старых опасностей. Прежде всего – тотальная массовая нищета, гораздо более безысходная, чем раньше, и, соответственно, вражда между бедными и богатыми в масштабах всей Земли.

Вторая опасность – вражда между культурами.

И, наконец, нельзя забывать, что Советский Союз был разрушен именно потому, что был объединением национальным и уже только поэтому противостоял глобальному капиталу. Сегодня – и это главное противоречие нашего времени! – глобальный капитал противостоит любой национальной и территориальной обособленности. Любой: американской, израильской, еврейской, русской, китайской и так далее. И в этом отношении там, где раньше была граница между пролетариатом и крупным бизнесом, теперь пролегает граница между транснационалами и всеми остальными людьми, которые хотят жить где-то конкретно, которые привязаны к какому-то месту. Это новый конфликт, может быть, не такой страшный и чудовищный, но он тоже абсолютный.

Он пока полностью не проявился, но он уже очевиден.

И этот конфликт – содержание нашей новой истории. Она будет богатой. И к Фукуяме, который в предвкушении краха СССР написал «Конец истории», все испытывают что-то вроде отеческого чувства: это такая большая ошибка, что вызывает уважение уже своими масштабами.

Е. ЧЕРНЫХ: – Наглядный пример – свиной грипп. Это транснациональные фармацевтические корпорации все затеяли.

М. ДЕЛЯГИН: – Это не свиной, а транснациональный грипп, чтобы не сказать «транснациональное мошенничество».

Кстати, до краха Советского Союза проблемы человечества по мере роста его богатства неуклонно, хотя и медленно, но решались. Человечество богатело, и до начала 90-х годов богатство автоматически смягчало проблемы. А в 90-е годы перестало, потому что противостоящим группам стран уже не надо было переманивать на свою сторону бедствующих. Их стало можно просто бросить, и их бросили.

Е. ЧЕРНЫХ: – За Африку мы боролись когда-то.

М. ДЕЛЯГИН: – Сейчас китайцы бороться начали – и за Африку, и за Среднюю Азию.

Важное следствие уничтожения Советского Союза – уход из повседневной жизни идеологизации. Она казалась нам злом, но выяснилось, что человек без идеологии, которая задает цель, систему координат и меру ценностей, просто не может жить, даже сугубо биологически.

Наконец, когда мы понимаем, что распад СССР, пусть даже относительно мирный, принес огромные бедствия и способствовал варваризации человечества, нужно учесть, что политические права человека после того, как были разрушены экономические основы этих прав, оказались просто бессмысленными и превратились в свою противоположность.

⁵ Поскольку значительная часть российского общества считает название «партии жуликов и воров» нецензурным (хотя и политическим) ругательством, в целях поддержания общественной морали автор вынужден писать его так, как положено писать такие термины – с отточиями.

Вместе с тем Советский Союз – это закономерный этап развития человечества. И крах Советского Союза – тоже закономерный этап этого развития, он означает, что Советский Союз свою историческую миссию выполнил.

В чем было его главное значение? Отвлечемся на время от Советского Союза. Что сейчас творят наши руководители? Неумолимо повышают, например, стоимость проезда в метро. А в Шанхае, поскольку Китай идет в целом по советскому пути, в 2009 году было объявлено, что в связи с пуском новых станций снижается стоимость проезда на метрополитене. Потому что новые станции повышают пассажиропоток, и новые люди приносят метро новые деньги, позволяя снизить цену билета. А у нас каждая новая станция метро, как и любое другое событие, – повод для того, чтобы еще сильнее задрать цены и тарифы. В этом отличие нормальной системы от нашей нынешней.

Когда говорили о трагедии в клубе «Хромая лошадь» в Перми, это производило впечатление такого же способа отвлечь общественное внимание от трагедии «Невского экспресса», как антигрузинская кампания 2006 года стала способом отвлечь общественное внимание от Кондопоги.

Простой вопрос: «Невский экспресс» – это террористический акт или износ рельсов? Чтобы не отвечать на этот вопрос, все силы были брошены на объяснение того, что нехорошо пускать фейерверки в замкнутых помещениях.

В Советском Союзе многие из подобных описанным явлений были невозможны в принципе. Он сыграл свою роль в истории человечества, и сегодня можно выявить четыре основные необходимые для всего мира достижения Советского Союза, которые не были бы сделаны без него никогда.

Первое: Советский Союз заставил развитые страны обеспечивать полный учет социальных факторов. Для бизнеса как такового они лишние, но они необходимы для развития человечества и в целом, и для обеспечения эффективности развитых стран. Когда мы говорим «капитализм с человеческим лицом» – не забывайте: это лицо Советского Союза, это лицо нашей страны. Именно Советский Союз вынудил капиталистические страны обеспечивать социальную защиту своих граждан.

Классический пример – Германия после разделения. Западу и западногерманской элите нужно было отвлечь немцев от советской идеи воссоединения в качестве нейтральной страны, нужно было расколоть страну и милитаризовать Западную Германию. Аденауэр, будучи консерваторм, правым до мозга костей, представителем бизнеса, при всем этом проводил социальную, практически советскую политику, потому что ему нужно было привлечь на свою сторону западных немцев.

С другой стороны, Восточная Германия: ресурсов нет, кредитов нет, потому что Советский Союз не мог кормить Восточную Германию так, как американцы кормили Западную, плюс репарации, потому что войну все помнили очень хорошо. В результате в Восточной Германии проводилась политика жесточайшего монетаризма в стиле даже не Гайдара, а Илларионова – и людей очень быстро, уже в 1953 году, довели до социального взрыва.

Если бы Советская армия не вела себя предельно мягко, тактично и корректно, напоминая более всего воспитанниц пансиона благородных девиц, за несколько дней мятежа было бы не 40 убитых, а несколько тысяч. Это было бы даже более страшно, чем в Венгрии в 1956 году, потому что многие немцы только что воевали – опыт был, и привычка была, и азарт показать, кто круче, у немцев тоже был.

Так что главная заслуга Советского Союза перед человечеством – он все это человечество, и в первую очередь Запад, развернул лицом к человеку. Общество массового благосостояния – это безусловная, бесспорная заслуга Советского Союза, хотя сам он его построить так и не сумел.

Вторая заслуга – форсирование технологического прогресса. Сначала в рамках гонки вооружений, потом благодаря выбросу технологий и интеллекта при распаде Советского Союза, который и открыл двери глобализации.

Третья заслуга – ускоренное развитие ряда развивающихся стран. Не только социалистической, но и капиталистической ориентации, потому что соперничество за них позволяло им развиваться. Классический пример – Индонезия. Когда в свое время МВФ стал навязывать ей очень жесткие условия по кредиту, ее руководство ответило: нет проблем, мы только что расстреляли всех коммунистов, поэтому теперь можем совершенно спокойно просить кредит у Советского Союза. Они нам, может быть, и не дадут, но попросить мы можем без всякого опасения для себя, пятой колонны у нас больше нет. И МВФ тут же, без звука согласился на все предложения индонезийской стороны – и Индонезия продолжила свое развитие, а не была экономически уничтожена, как это случилось бы в той же ситуации в 90-е годы. В 90-е годы, да и в 2000-е Индонезия была бы доведена до катастрофы и лежала бы сейчас в руинах.

Наконец, заслугой Советского Союза было удержание развития третьего мира в рамках единой общечеловеческой культурной парадигмы. Потому что конкуренция Советского Союза и США – социализма и Запада – велась в рамках единой культуры, единых ценностей, и эта культура и ценности распространялись на весь мир.

Иногда по наивности говорят, что ценность Запада – демократия. Да ладно! Демократия стала ценностью Запада официально только при Картере, а до этого Соединенные Штаты поддерживали самых чудовищных диктаторов.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как Кеннеди говорил, «сукин сын, но зато наш».

М. ДЕЛЯГИН: – И демократы были для них подрывными элементами, их давили танками везде и всюду. Только Картер принципиально развернул подход, и в этом его историческая заслуга с точки зрения Америки. Как только конкуренция за третий мир исчезла, сразу началось столкновение цивилизаций, и сразу же возникла непреодолимая пропасть между развитыми и развивающимися странами.

Советский Союз был этапом развития, нам в него вернуться нельзя. Но очень многое было бы неплохо вернуть.

Е. ЧЕРНЫХ: – У нас уже вернули ДОСААФ.

М. ДЕЛЯГИН: – Просто с брендами в Советском Союзе тоже все было очень хорошо. Мой любимый пример – «Аэрофлот», который, когда нужно было очищаться от «проклятого прошлого» и готовиться к акционированию, решил сделать новую эмблему. Провели огромный конкурс и пришли к выводу, что советская эмблема – лучшая из возможных.

Е. ЧЕРНЫХ: – Название «Комсомольская правда» – советское осталось.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, и только конченные подрабиники могут истерить по этому поводу. По-моему, потому и истерят, что лучше не придумаешь.

С другой стороны – ОАО «Российские железные дороги». Они решили придумать себе новую эмблему. Смотрит мой приятель на нее и говорит: а почему они в английском слове *pig* (свинья) так странно написали букву «г»?

Нормативный срок эксплуатации хрущоб – 25 лет. Некоторые уже по полвека стоят и, хоть и плохо, но и дальше стоять будут.

Но главное в Советском Союзе было все же не это, не прочность, передающаяся через поколения.

Сейчас модно стало, оправдывая деятельность некоторых либеральных фундаменталистов, кричать: ну как вы можете говорить о необходимости доступного для всех образования? Ведь не может быть доступного для всех качественного образования. Когда это кричат 25-летние «эффективные менеджеры» – ладно, они учились в Высшей школе экономики, Российской экономической школе и прочих подобных заведениях, до этого ставшие «жертвами ЕГЭ». Но, когда это кричат люди под сорок и за сорок, я спрашиваю: «А вы какой вуз заканчивали?».

Человек отвечает, и я тактично интересуюсь: «И сколько платили за образование?». Человек недоумевает: как так, ничего не платил, это же был СОЮЗ!

И хватается себя за язык – потому что, оказывается, все-таки можно давать массовое, качественное и при этом бесплатное образование!

Дальше либеральные фундаменталисты начинают выть: невозможно обеспечивать здоровье нации бесплатно, нельзя допустить бесплатного здравоохранения, оно не может быть качественным.

Что на это ответить? Только одно: пощупайте свое плечо. Левое. У вас там след от прививки против целой гаммы скверных болезней. Сколько ваши родители за нее платили, чтобы вам не заболеть никогда?

И так далее, по каждому пункту.

Либеральные фундаменталисты визжат истошно чуть не на каждом углу: нельзя поднимать культуру быдла, оно так быдлом и останется и пусть остается, пусть смотрит «Дом-2» или что там им сейчас показывают.

Спрашиваешь: а словосочетание «культурная революция» вам известно? Да, это то, что при Мао делали проклятые социалистические китайцы. А потом вспоминают, что до проклятых китайцев в нашей стране научили целое поколение читать. До этого было очень хорошее образование в царской России, но оно было не для всех, а во время гражданской войны и разрухи грамотность еще более упала. И пришлось проводить «культурную революцию» – учить всех читать и понимать прочитанное.

Когда повышали культуру, это была комплексная работа. Напомню: самая успешная антиалкогольная кампания была в конце 50-х годов – в рамках работы по повышению культуры быта советского человека.

Советский Союз создал новую общность людей – советский народ. И не только мечом и кровью, но заботой и выращиванием. И мы отличались от западников в первую очередь тем, что мы были слишком добрые. Именно это обеспечило поражение наших ужасных спецслужб: они тоже были слишком добрые. Я застал еще это поколение советских руководителей, которые довели страну до катастрофы. Но они говорили: «Как же так, мы же не можем сделать эту вещь, потому что она приведет к ухудшению условий жизни людей. Пусть они будут жить хуже в силу объективных условий, но нашей вины в этом не будет».

Совестливость – это неотъемлемая черта советской цивилизации. Это то, что в первую очередь уничтожалось нашими либеральными и не очень либеральными реформаторами. Уничтожалось осознанно и с ненавистью, и ненависть эта только крепнет.

Посмотрите: Советский Союз уничтожен, развалился бесславно под действием, прежде всего, внутренних причин. Внешние тоже работали, но они ведь всегда работали, так что они не были главным.

Советский Союз стерт с лица земли, и полностью дискредитированы не только его лидеры, но и его идеология.

Казалось бы, «проехали – забудьте». Но ничего подобного, все строго наоборот: мы видим, что ненависть к Советскому Союзу не слабеет, а усиливается.

Отменяется День примирения и согласия 7 ноября: для правящей бюрократии невыносима, насколько можно понять, уже не только идеология социальной справедливости, но даже и примирение с ней. Официальное телевидение развязало подлинную гражданскую войну против воспоминаний о Советском Союзе. Список можно продолжать бесконечно.

В чем причина такой ненависти?

Проще всего с либеральными фундаменталистами: они ведь обожествляют прибыль и рынок. И сам факт даже не существования, а просто воспоминания о нашей стране, которая принципиально отрицала наживу как единственный смысл человеческой жизни, для либеральных фундаменталистов – нестерпимое богохульство.

Для них нажива – это единственный смысл человеческого существования. Все остальное – ересь, и должно быть выжжено из огнеметов. И вдруг целая страна, которая это отрицает и самим своим успешным существованием опровергает.

И – о ужас, это хуже всего – они сами жили в этой стране! Они до сих пор рвут на себе волосы от этого.

Но понятно, что главный источник ненависти – это правящая бюрократия. Сама память о Советском Союзе для нее – постоянный упрек и даже обличение в кромешном безделье и в тотальном воровстве. Какой бы коррумпированной ни была партхозноменклатура, на фоне многих нынешних лидеров она производит впечатление завхоза, который подворовывает дражные пододеяльники. Для реабилитации Советского Союза в этом плане достаточно произнести слово «Чубайс». На фоне этого слова никто просто не поверит, что в Советском Союзе тоже была коррупция. И таких слов, надо отметить, очень много. Можно даже подряд зачитывать, по алфавиту, – такое ощущение, что не ошибешься.

Советская коррупция была настолько мизерной, что сегодня говорить о ней смешно и нелепо.

Но самое главное, что советское государство, при всех своих недостатках, стремилось к общественному благу искренне. Это благо понималось часто поразительно извращенно, но оно было реальной целью. И это является страшным обвинением нынешней клептократии, которая превратила само государство не более чем в машинку для личного обогащения.

Я говорю о недостатках Советского Союза – не надо их забывать: будь их чуть поменьше, китайский путь развития назывался бы сейчас советским. И это мы рвали бы на себе волосы по поводу чудовищного экономического кризиса, который привел бы к торможению экономического роста с 11 % аж до 8 %. И мы бы сейчас обличали неэффективное управление, корысть и неграмотность.

Но, поскольку недостатки Советского Союза были серьезными, случилось как случилось. Но даже при всех этих недостатках Советский Союз добился огромных успехов практически во всех сферах общественной жизни. Это не только промышленные объекты, это улучшение быта советских людей, который в конце 60-х – начале 70-х соответствовал уровню ведущих развитых стран. Да, были чудовищные места, где просто была разруха, и она как началась в коллективизацию, так и не останавливалась. Но в Европе тоже есть места, где тогда была разруха. Бытовой техники у нас было отчетливо меньше, чем на Западе, но это с лихвой компенсировалось отсутствием безработицы, безопасностью, лучшим образованием и здравоохранением – тем, что зовется «качество жизни».

А российской бюрократии хвастаться нечем. Выдающихся успехов добились только в одном – в ограблении собственной страны. Но таким достижением публично, за пределами узкого круга будущих поделщиков, не похвастаешься. Поэтому приходится молчать.

Более того, уровень жизни и даже уровень доходов основной части россиян существенно ниже, чем в последние годы Советской власти. А пресловутые права человека, ради которых вроде бы все и делалось, защищены существенно хуже. Простой пример: советские суды, за исключением политических дел и дел, связанных с начальством, принимали решения профессионально и независимо. Где вы можете твердо рассчитывать сейчас на честный независимый суд и на судью, который законы хотя бы читал?

Помимо бюрократии, ненавидит Советский Союз и часть вполне приличной московской интеллигенции – я сознательно не рассматриваю «грантоедов» и культуртрегеров, стремящихся размыть российскую идентичность ради окончательного торжества Запада. Часть ее контужена собственной историей – особенно это касается родственников чекистских палачей, попавших в мясорубку 1937 года, – часть ненавидит прошлое своей страны просто из-за его трагичности, по интеллигентскому добросердечию.

Но есть очень большая часть интеллигенции, которая стремится оклеветать и смешать с грязью свою страну для того, чтобы оправдать себя, часто подсознательно, в своих собственных глазах. Это классическая эмигрантская болезнь: я уехал, мне здесь плохо, и единственный способ выжить – это доказать себе, что я все-таки прав. И приятные люди в Берлине начинают знакомство с рассказа о том, что советских солдат во время его штурма кормили так плохо, что они от голода ели друг друга. И интеллигентам даже в голову не приходит, что вокруг было много неплохо откормленных немцев, которых эти каннибалы почему-то подкармливали из своих пайков.

Эта болезнь распространена не только среди эмигрантов. Люди, воспитанные в советской культуре, подсознательно ощущают, что, выбрав демократию или просто «частную жизнь во время общественных потрясений», пусть даже и в невыносимых условиях, они бросили свою страну, предали свою Родину, и чувство неформализуемой вины гнетет и грызет их.

И, чтобы избавиться от этой вины, они обвиняют свою умершую страну во всех смертных грехах – просто чтобы оправдать себя. Психологически это вполне понятно, но, извините, по-человечески неблагоприятно. И неблагоприятно.

Я могу еще понять позицию Русской православной церкви, которая очень долго вела себя достойно по отношению к прошлому, а потом вдруг начала без устали твердить о безбожной власти, преследовавшей священников. Просто РПЦ очень долго и честно помнила, как эта самая безбожная Советская власть обратилась к ней во время войны и как помогала ей в конце 80-х годов. Потому что во власти люди были совестливые, старались делать по-честному и, когда стало можно, почему бы и не помочь несправедливо угнетаемой церкви? Искали мощи святых, передавали помещения и так далее.

А те, кто сейчас точит зубы на Союз, забывает, что богоборчество 20-х годов было вызвано в очень большой степени кадровой политикой самой РПЦ. Когда бездельников назначали священниками, и эти бездельники потом использовали рясу для сокрытия самых разнообразных пороков. Блок не для красного словца говорил о священнике, который «портил девок».

И сегодня очень странна позиция священников РПЦ, согласно которой православный человек не имеет права на социальный протест и на защиту своих прав – он, мол, может только молиться, а советскую историю нельзя считать русской.

Это ведь позиция даже не части государства – у нас в государстве много всего разумного. Это позиция наиболее косной части клептократии, которая забыла то, что было в Советском Союзе.

Почему мы должны помнить об этом? Потому что надо жить в мире со своим прошлым: никто не будет иметь будущего, пока он воюет со своим прошлым.

Мы своим прошлым контужены – мы должны его принять. Не простить: там есть вещи, которые нельзя прощать. Но понять и принять. Бессмысленно пытаться превращать себя в манкуртов, в Адольфов, не помнящих родства. Бессмысленно пытаться бесконечно возбуждать в себе подростковые комплексы против родителей и своих предков: затянувшиеся подростковые комплексы по отношению к родителям способны разрушить психику вполне взрослых людей, а затянувшиеся комплексы по отношению к нашему прошлому способны уничтожить наше настоящее и лишить нас будущего.

Поэтому написание честной истории нашей страны является сегодня главной политической задачей и моральным долгом. И я думаю, что мы это сделаем.

Е. ЧЕРНЫХ: – Настоящая история нужна обязательно.

М. ДЕЛЯГИН: – Ополчающийся на свое прошлое лишает себя будущего. Нам нужно осмыслить свое прошлое комплексно и честно, а не так, как это делают безумные и бездумные пропагандисты всех мастей.

14.12.2009

Космос: воплощенное мечтание страны

М. ДЕЛЯГИН: – 12 апреля, День космонавтики, – один из самых великих праздников нашего народа. Это действительно праздник всего нашего народа, ибо улыбка Гагарина озарила весь Советский Союз.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да и весь мир.

М. ДЕЛЯГИН: – И весь мир, и продолжает озарять нашу страну до сих пор. И даже на Западе празднуют «ночь Юрия». Даже они это празднуют, не как именно наш, а как общечеловеческий праздник, как праздник всего человечества, который позволяет ему объединиться над разрывающими его границами...

А с другой стороны, в 2010 году на 12 апреля был назначен день траура по погибшему в авиакатастрофе руководству Польши. Хотя Россия пережила скорбь и боль, разделила ее с поляками накануне этого дня.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это было шоком.

М. ДЕЛЯГИН: – Это было непониманием, недоумением, как такое возможно. Мы отвыкли от того, что такое случается с руководителями государств. ТВЦ и даже Первый канал отменили некоторые развлекательные передачи – вне всякого официального объявления о трауре люди, которые работают на телевидении, сами, автоматически среагировали на трагедию, и это очень правильно.

Е. ЧЕРНЫХ: – Не всегда так бывает.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, к сожалению, отнюдь не всегда. Например, когда 76 человек погибло на Саяно-Шушенской ГЭС, в России траура никто не объявлял, а вот по поводу польского руководства траур был объявлен.

Но это вопрос к случаю с Саяно-Шушенской ГЭС. Тогда поступили неправильно, не объявив общероссийский траур по нашим погибшим людям.

А в 2010 году поступили правильно, хотя и очень странно, что траур назначили не на воскресенье, который де-факто оказался настоящим днем скорби, а на всенародный праздник – День космонавтики.

Если бы этот самолет разбился бы на территории Польши, это была бы принципиально другая ситуация. Но, раз они разбились на нашей территории, это не только польское, но и наше дело.

Скорее всего, катастрофа была вызвана не случайностью, а жадой польских политиков красиво поучаствовать в телемарафоне по поводу Катыни, который шел в Польше.

Может быть, это было вызвано желанием руководства, которому подчиняются специалисты, в том числе вопреки своему опыту и здравому смыслу... В нашей стране из-за этого погибло очень большое количество людей, и не только на дорогах и в воздухе. Достаточно вспомнить, как погиб маршал Неделин. Великий человек, первый Главком РВСН, руководитель запуска первого спутника Земли... Но на испытаниях он поставил перед Р-16 стул, сел на него и приказал для ускорения подготовки к запуску вести работы без сливания топлива из испытываемой ракеты. Число жертв тогда было, по-моему, максимальным для всей истории мировой космонавтики...

Но, в любом случае, катастрофа произошла на нашей территории, и мы должны были проявить уважительность. Не важно, как относились к нам эти люди: если мы поддерживали с ними дипломатические отношения, если мы вели с ними нормальные переговоры, – значит, для нас это люди, даже если для них мы людьми не являемся. И в этом, с моей точки зрения, наше культурное преимущество перед многими другими культурами.

Скажу честно, я полез в русско-польский словарь и написал по-польски в своем блоге, что скорблю вместе со всем польским народом, по-польски. И получил очень четкую реакцию от

многих поляков: вы – рабы и животные, вам никогда не будет известно чувство свободы... По сути, вы унтерменши, но, тем не менее, спасибо, что вы нам соболезнуете. Это очень глубокое впечатление на меня произвело.

Е. ЧЕРНЫХ: – Унтерменш – это недочеловек.

М. ДЕЛЯГИН: – Это гитлеровский термин. Но, когда говорят – причем в ответ на выражения соболезнования, – что мы люди свободные, а вам никогда чувства свободы не испытать, это примерно такое же отношение, какое было со стороны Гитлера.

Е. ЧЕРНЫХ: – Надо быть выше этого.

М. ДЕЛЯГИН: – Когда мы сталкиваемся с русофобией, в том числе в ее явных, животных проявлениях, нельзя становиться на одну доску с русофобами и вести себя так, как они.

Если мы считаем кого-то своим партнером по переговорам, даже если они нас очень не любят, при жизни – значит, мы относимся к ним, как к людям, и должны так же относиться к ним после смерти. Они люди, – может быть, неприятные, – но они люди, и они погибли, и мы должны вести себя в этой ситуации, как люди.

Нужно относиться к ним как к людям, даже если они к нам относятся как к животным.

Да, спуску не давать и себе на шею садиться не позволять.

Но в глазах бога мы все люди, и поэтому в наших глазах мы тоже все должны быть людьми, – по крайней мере, пока кто-то не докажет в отношении себя иного.

Если кто-то ведет себя не морально, это не повод для нас тоже становиться животными.

Поэтому мы скорбили вместе с польским народом и били по рукам мерзавцев, устраивавших провокации вроде размещения на нашей земле незаконных оскорбительных «памятников» или распространения инсинуаций – это та ситуация, когда самая естественная реакция самая правильная.

Ну и – извините за прозу жизни – это причина вспомнить то, во что превратилась наша гражданская авиация. Насколько можно понять, гражданский аэропорт Смоленска, «Южный», разрушен и никем не восстанавливается, поэтому приходится использовать военный аэропорт Смоленска, «Северный».

Здесь сейчас произнесут много красивых слов о рентабельности, но вот почему-то в Белоруссии, совсем не богатой по сравнению с нашей страной, олигархия и бюрократия которой буквально захлебываются от нефти и нефтедолларов, гражданский аэропорт Витебска работает.

Но это вопрос, не имеющий отношения к данной трагедии.

Еще раз хочу сказать, что при всех политических разногласиях боль польского народа – это наша боль тоже. Бывают трагедии, перед лицом которых мы должны убрать ревность, политические разборки, разногласия и понятное желание покрасоваться за счет других.

Это трагедия, давайте будем людьми в этой трагедии.

Тем более что, может быть, 12 апреля было назначено днем траура в России еще и для того, чтобы не отмечать два дня траура подряд. Потому что для многих людей, связанных с космонавтикой, 12 апреля является днем траура по российской космонавтике.

Напомню: когда с орбиты был сведен орбитальный комплекс «Мир», специалисты говорили, что он может еще летать, но политически было важно, чтобы его там больше не было, – и его убрали.

Для меня критическим было высказывание одного из наших космонавтов, который там горел. Я общался с танкистами, которые горели во время войны, с подводниками, которые горели на дизельных подлодках, – приходилось. Пожары были не страшные, потому что люди выжили, но их рассказы вызывали у меня совершенно запредельный ужас. Я думаю, в космосе это еще страшнее. И вот человека, который горел на комплексе «Мир» в космосе, в безвоздушном пространстве, где никто не может прийти на помощь даже теоретически, спросили в одной из телепередач: «Вы не только космонавт, но еще и инженер. Вы знаете, как эта система

работает, там был пожар, там было страшно, Вы все это пережили. Скажите, «Мир» может еще летать?»

И этот космонавт, человек очень скромный, тихий, совершенно не телевизионный, замялся и сказал: «Понимаете, конечно, был такой эпизод с пожаром, но там такой запас прочности, что еще несколько лет «Мир» может летать совершенно спокойно».

Е. ЧЕРНЫХ: – Космические корабли строили на совесть.

М. ДЕЛЯГИН: – Страну строили на совесть, не только космические корабли.

А на кораблях, да – было дублирование, троирование оборудования.

А сегодня речь идет всего лишь о нашем сохранении в космосе. Мы должны оставаться в космосе на уровне одной из ведущих стран.

А ведь, помимо наших традиционных конкурентов, в космосе уже есть китайцы, и скоро они будут создавать собственную орбитальную станцию. Не в кооперации с кем-то, а собственную, исключительно свою! Думаю, через некоторое время Китай вырвется на первые позиции в орбитальном космосе, где основные технологии уже созданы, и надо просто их скопировать и применить.

Е. ЧЕРНЫХ: – Они занимают не только поверхность Земли, но и космос.

М. ДЕЛЯГИН: – Китай входит в мир и старается быть первым везде – это естественно, это вопрос лидерства.

И мы должны сохранять космонавтику, наращивать и выводить ее на новый уровень.

Но у нас, к сожалению, ситуация кошмарна даже с простой пропагандой. 12 апреля 2010 года государственное агентство РИА «Новости», де-факто это сегодня главное информационное агентство России, опубликовало сообщение о возложении венков на площади Гагарина к памятнику первым космонавтам.

Дело не в том, что среди первых космонавтов РИА «Новости» забыло космонавта № 2 – Германа Титова – и многих других. Дело не в том, что на площади Гагарина есть памятник именно Гагарину, а не «первым космонавтам». Это детали, в конце концов. Но среди «первых космонавтов» в качестве космонавтов были названы генеральный конструктор двигателей Глушко и некто Мстислав Келдышев!

Думаю, имелся в виду великий математик Мстислав Келдыш, который был президентом Академии наук и который руководил всеми расчетами, в том числе по космосу. Вот так у нас с официальной пропагандой обстоят дела: даже журналисты главного информационного агентства страны не имеют и не хотят иметь понятия о предмете, о котором они сообщают.

А ведь без спутников на орбите, не только военных, но и гражданских, безопасности страны просто не существует. Даже теоретически. Я уж не говорю, что космос – это всегда опробование и освоение новых технологий.

При Андропове был принят закон о космическом пространстве, который создавал юридическую базу для недопущения чужих спутников-шпионов в космическое пространство над нашей территорией. В конце концов, не будет спутников – нас можно будет бомбить, и ядерные ракеты при нынешних темпах прогресса Запада и регресса наших технологий уже через несколько лет нам в этом не очень сильно помогут.

Что касается денег – по сравнению с тем, что у нас разворовывается, даже из бюджета, – нужные космосу деньги являются сущими копейками. Да и по сравнению с деньгами, которые лежат у нас за границей – 530 млрд долларов международных резервов Российской Федерации, – нужные космосу деньги тоже являются копейками. В конце концов, у нас даже в федеральном бюджете без движения валяется более 6 трлн руб.!

На эти деньги не космос – страну можно построить.

А ведь космические исследования «вытягивают» на себе технологический прогресс.

Создавая спрос на образованных, интеллектуальных, да и моральных, что тоже важно, людей, космос очень сильно оздоравливает общество и вытаскивает его наверх.

Поэтому нам нужен космос не для того, чтобы на Марсе яблони цвели: нам нужен космос для того, чтобы яблони цвели на Земле.

В первую очередь космос нужен не для безопасности – он нужен для технологий, а еще для того, чтобы у людей была сверхзадача, была мечта. Чтобы дети мечтали быть космонавтами, а не олигархами, продажными чиновниками и другими бандитами.

По крайней мере, чтобы была наука.

Наш Роскосмос когда-то выдвигал идею создания базы на Луне, чтобы добывать там третий – топливо для водородной энергетики.

Были идеи создания станций на Марсе. Не для военных целей, а потому, что это интересно и, возможно, теоретически Марс можно озеленить. Представьте себе – целая планета, сейчас являющаяся пустыней, будет зеленой, и на ней можно все начать с нуля, с чистого листа. И действительно жить без границ, как живут исследователи в Антарктиде.

Есть и другие колоссальные возможности, но сейчас Роскосмос говорит о повышении надежности летательных аппаратов, и не более того.

Такое ощущение, что после серии чудовищных аварий, нелепых объяснений их (вроде американских диверсий) и ужасающих скандалов люди просто испугались мечтать.

А когда человек перестает мечтать, он очень быстро превращается в обезьяну, и даже без войн.

Потому что человек – это промежуточное состояние между обезьяной и богом: как только мы перестаем тянуться вверх, мы падаем вниз и разбиваемся в щепки.

Так что совсем не только ради военных целей, не только ради безопасности нужен космос. Он тянет за собой очень много всяких принципиальных вещей – науку, образование, культуру.

Сам по себе полет в космос – не только символ: это воплощение колоссального труда огромного количества людей. Чтобы ракета полетела, пусть даже достаточно простая, огромное количество интеллектуальных людей должны быть воспитаны, образованы, организованы, и еще – они должны хорошо работать.

Мы до сих пор совершенно не знаем историю своего собственного космоса и просто не понимаем, например, до какой степени полет Гагарина был подвигом.

Напомню, что в то время было всего семь ракет, пригодных для запуска человека. И из первых шести запусков два закончились катастрофой и один – аварией. Но последние два запуска подряд были удачными, и это был критерий, позволивший отправить в космос человека. Тем не менее, вероятность того, что полет Гагарина не закончится катастрофой, была велика. И лететь было просто страшно.

Есть официальная версия о том, что Сергей Павлович Королев ночь накануне старта беседовал с Гагариным. Но знаете, люди, немного связанные с этой отраслью, рассказывают по-другому, рассказывают, что приходил не Королев. Королев – человек, прошедший лагеря, характер имел абсолютно жесткий. Он мог побеседовать, но это была бы серьезная беседа, после которой полет в космос действительно показался бы детской прогулкой. А для разговора по душам, для человеческого воодушевления приходил человек, который в ЦК КПСС занимался космосом, – Леонид Ильич Брежнев.

Мы привыкли смеяться над тремя его сочинениями, которые он, вероятно, надиктовал в основном, а окончательный текст изготовили уже профессиональные писатели, но всего его сочинений было восемь. И одно из них было про космос.

Думаю, полезно было бы договориться с его родственниками и издать эти книжки. Это ведь памятник эпохи. Да, конечно, они всей правды не отражают, но ведь и египетские пирамиды тоже отчасти перестраивали, а они все равно остались памятником эпохи.

Так что беседовал, скорее всего, Брежнев. Но, когда пришло время писать мемуары, он подумал, что это было бы нескромно. Сейчас это звучит смешно – мы помним Брежнева как коллекционера наград и «мерседесов», – но во многом люди той эпохи были правильными

людьми. И он решил, что писать о себе в том контексте было бы нескромно, и что правильной было бы сделать так, чтобы умерший к тому времени Королев вошел бы в историю еще и таким образом.

Думаю, это было правильным решением, потому что были ведь и другие беседы, о которых мы мало чего знаем.

Есть просто трогательные эпизоды в истории нашей космонавтики, и их надо сохранить, сберечь.

И, конечно, первые запуски, да и последующие, были самыми настоящими подвигами. И как погибали наши космонавты – Комаров в 1967 году на недовведенном, «сыром» «Союзе-1», у которого сначала не раскрылись солнечные батареи, а при спуске запутался парашют... И ведь машина была прекрасной, просто ее надо было отладить, что потом и сделали, Гагарин практически над гробом Комарова это пообещал, но сделали уже без него. А если бы раскрылись солнечные батареи – там была программа очень красивого эксперимента, – и возвращался бы на «Союзе-1» Комаров не один, а с Елисеевым и Хруновым...

Вторая и последняя, надеюсь, гибель наших космонавтов в космосе – от разгерметизации спускаемой кабины – это Волков, Пацаев и Добровольский в 1971 году... Чтобы поместились в кабину троим, летали не в скафандрах, а в спортивных костюмах, с самого первого полета троим, с 1964 года, – и это решение оказалось роковым...

А ведь были аварии и на земле, в процессе тренировок, экспериментов.

Это нужно помнить, потому что люди, проложившие дорогу в космос, как это ни высокопарно звучит, – это герои нашей страны, живые и мертвые. И особенно надо помнить о живых, хоть это и не в наших, увы, традициях.

А ведь дорога в космос – это дорога к нашему прогрессу и нашей безопасности. Мы, в том числе и благодаря им, сейчас сидим и разговариваем – не только благодаря тем, кто Рейхстаг брал, но и благодаря тем, кто летал в космос.

И многими современными технологиями мы им обязаны. Ведь космические исследования – инструмент для создания, опробования и массового внедрения многих разнообразных технологий. Побочный результат, согласен, но очень приятный!

Никто ведь не полетит в космос просто для того, чтобы придумать новую систему связи, или новые тормоза, или новый энергетический элемент – слишком страшно, слишком тяжело. Но, полетев в космос, приходится придумывать новые системы связи, новые мелкие бытовые удобства, которые украшают жизнь сначала космонавтов, но потом и нас, обычных людей.

Мы перестаем их замечать на следующий день после их появления, но не стоит забывать, с чего все начиналось, «откуда ноги растут».

У нас, возможно, еще живы люди, которые в Циолковского, будучи мальчишками, кидали грязью и палками, травили его, считая городским сумасшедшим.

Е. ЧЕРНЫХ: – В Калуге.

М. ДЕЛЯГИН: – Может, уже не в Калуге, может, переехали...

Твердо верю, что российский космос будет продолжаться. Сейчас мы имеем некоторую трагическую паузу, связанную, в том числе, с деградацией нашей страны.

Е. ЧЕРНЫХ: – И деградацией нашей науки.

М. ДЕЛЯГИН: – Это лишь часть. И очень многое и в очень многих сферах придется наверстывать. Вот я руковожу Институтом проблем глобализации, и у меня разные сотрудники ездят в разные командировки в разных качествах. Лет семь назад были на Байконуре и приехали в шоковом состоянии, потому что ощущение от технологий – 60-е годы и ни шага дальше.

Но, думаю, с оздоровлением нашего государства оздоровится и наука, и космос. И мы будем вспоминать наши трагические неудачи: сведенные с орбиты раньше времени спутники, утопленный «Мир», несбывшиеся полеты, экспедиции, к которым готовились люди... Ведь что

значит отказ от экспедиции на Марс? Это отказ от людей: люди-то готовились. И мы не узнаем их фамилии.

Е. ЧЕРНЫХ: – И технологии были.

М. ДЕЛЯГИН: – Так странно устроена жизнь, что, если новая технология не отработана в космосе, она потом имеет существенно меньше шансов попасть в гражданскую, обычную жизнь.

Но все будет восстановлено.

Мы не дадим архаизировать нашу страну до первобытного или, как многие сейчас вожделяют, феодального состояния. Технологическое отступление будет остановлено и повернуто вспять. Помните, как Высоцкий пел:

Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на востоке.

Мы находимся сейчас, в том числе и в науке, в состоянии, когда солнце заходит на востоке. И высокие цены на нефть не должны обольщать: они неправильно используются. Но ситуация будет исправлена, хотя исправлять придется не каким-то там космонавтам или даже Генеральным конструкторам, а нам самим, и это будет неприятная работа. Но мы справимся: придется справиться.

Отступать некуда – позади Россия.

Е. ЧЕРНЫХ: – Михаил Геннадьевич, сегодня мы на эту тему говорим еще и потому, что ваша семья имела отношение к космосу. И, может быть, главный вопрос, который часто обсуждается до сих пор: а были ли американцы на самом деле на Луне? Вообще-то мы должны были там первыми быть.

М. ДЕЛЯГИН: – Мы должны были быть первыми, но недобросовестная конкуренция, недобросовестный лоббизм сыграли свою роль, к сожалению. Ну, как у нас сейчас с самолетом пятого поколения, как у нас с «Булавой», когда передали проект не тем, кто был к этому лучше всех подготовлен, а к тем, кто лучше всех умел себя пролоббировать перед начальством. Это же самое в определенной степени и сорвало наше участие в лунной гонке. Хотя луноход проработал во много раз больше времени, которое он должен был работать, и до сих пор он там стоит где-то.

Но американцы на Луне были.

Другое дело, что качество киносъемки, которую они там сделали, мало на что годилось: ну не до того им там было, это тоже была очень драматическая, прямо-таки по-ковбойски отчаянная история.

Они боялись, что киносъемка будет плохого качества – не до того было. И взяли одного из ведущих режиссеров той эпохи – Стэнли Кубрика, – который еще тогда снимал космическую фантастику, и он снял это в павильоне, в чем накануне смерти и признался, подтвердив многочисленные предположения.

И нестыковки записи с реальностью, на которые мы показываем пальцем: не та тень, флаг, который развевается и т. д., – это действительно павильонная съемка. Потому что реальная съемка на Луне была просто некачественной. Но на Луне они были.

И, знаете, что скажу по этому поводу: патриотизм заключается в возвеличивании себя за дело, за реальные достижения, а не в том, чтобы отвергать реальные достижения других, пусть даже своих конкурентов.

И, говоря «а», надо сказать и «б»: советский и российский космос – это были и остаются успехи социализма, это были и остаются успехи людей, которые не считали и не считают смыс-

лом своей и чужой жизни получение прибыли, людей, всех себя отдавших развитию человека, его совершенствованию, его прогрессу не только технологическому, но и моральному.

Сейчас не только в нашей стране, но и во всем мире очень сильна тенденция к архаизации, причем не в сторону капитализма и даже не в сторону дикого капитализма, а в сторону раннего, средневекового феодализма, а то и позднего рабовладения. Это очень страшно, это очень скверно и этому нужно противостоять всеми силами. И развитие космических программ является, в том числе, и элементом противостояния этой тенденции.

А на более простом, более бытовом уровне можно вспомнить, что развитие космических исследований попросту невозможно без кооперации с Украиной. Если мы будем развивать кооперацию с Украиной, то, может быть, втянем ее в полноценную интеграцию и восстановим ядро нашей страны.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вот еще и в этом плане развитие космоса нам очень нужно – чтобы объединять. А там и Казахстан.

М. ДЕЛЯГИН: – Конечно. Украина, Казахстан и Белоруссия – три страны, без которых Россия не может существовать экономически и технологически. И, кстати, психологически на самом деле мы тоже не можем без них существовать.

Полет Гагарина был очень важен еще и потому, что идентичность советского народа – а у нас нет сегодня другой идентичности, кроме советской, как-то за 20 лет воровства и лжи, которые почему-то называют демократией и рынком, никакой идентичности не выработали – базировалась на трех событиях.

Во-первых, на Великой Октябрьской Социалистической революции как на чудовищном, но торжестве справедливости.

Во-вторых, на победе в Великой Отечественной войне как на чудовищном по жертвам, но также бесспорном торжестве справедливости.

И, в-третьих, на полете Гагарина. И вот в нем уже не было ничего чудовищного, это была чистая радость, потому что жертвы и погибшие в подготовке к этим полетам остались за кадром.

Е. ЧЕРНЫХ: – Была прекрасная улыбка Гагарина.

М. ДЕЛЯГИН: – Почему была? Она и осталась. И «Поехали!» осталось. «Поехали» с тех самых пор – особое слово в русском языке, даже в современном новорусском.

Даже когда мы не думаем о космосе и забываем о Гагарине, мы все равно говорим «поехали!» совершенно особым образом.

Кстати, хочу посоветовать вам всем: есть такой сайт в Интернете, со мной никак не связан, я его вчера нашел случайно – buran.ru. Там много интересной фактуры, именно технической, про космические достижения 80-х годов. Сделан какими-то нашими энтузиастами, но со знанием дела. Очень интересный, полезный и познавательный сайт – такая маленькая энциклопедия. Будет время – зайдите, советую. Там много хороших слов, которые мы не успели узнать про достижения нашей космонавтики конца 80-х годов.

Мы привыкли думать, что все достижения – это «Буран» в трех экземплярах. Один продали американцам после того, как он валялся неизвестно где, другой пропал, третий стоит в Москве в Парке культуры жалким остовом. Но на самом деле там было целое семейство разнообразных машин, они были разные: там были боевые космические аппараты, орбитальные самолеты – очень много всего интересного!

И достижения советской космонавтики – отнюдь не дело прошлого. Мы ведь до сих пор впереди американцев в деле вывода грузов на относительно низкие орбиты.

Обитаемые космические станции летают именно на низких орбитах, потому что их защищает от жесткого космического излучения магнитное поле Земли, им нужна меньшая защита и, соответственно, они просто легче, и их дешевле туда выводить. У Запада же нет сопоставимых с нашими носителей для того, чтобы выводить грузы на низкую орбиту.

На высокую – да, но там слишком тяжелые условия. А в выводах на низкую орбиту до сих пор наша страна вместе с Украиной является монополистом. И мы должны это всячески использовать.

У американцев программа «Шаттл», по сути, провалилась. Скажем корректно – закончилась. Выяснилось, что она очень дорога, а главное – недостаточно надежна. Потому что эту технологию в полном виде отладить так и не удалось. Наша система, созданная советскими инженерами, более надежная, поэтому она и работает.

Вот мы привыкли ругать 90-е годы, я тоже их очень не люблю, но гений советских инженеров фантастичен. В самых нечеловеческих условиях создавались великолепные вещи. Так, в середине 90-х годов возник проект «Морской старт»: берется плавучая буровая платформа, переоборудуется для запуска ракет, превращаясь в плавучий стартовый стол, и буксируется на экватор. На экваторе запускать лучше: чем ближе к нему, тем сильнее земля, вращаясь, дополнительно подталкивает космический корабль, тем проще ему взлетать, тем больший груз можно вытащить на орбиту одной и той же ракетой.

Поскольку у нас своего экватора нет и труды Миклухо-Маклая пропали даром, ничего мы там не получили... Ну и ничего: берем платформу, буксируем в международные воды и запускаем ракету из международных вод. Денег не было ни копейки, так взяли кредит у Мирового банка. Собирали эту платформу на наших оборонных предприятиях, а Мировой банк не может финансировать российский военно-промышленный комплекс, и пришлось проводить сложнейшие работы по разделению цехов – чтобы там, где собирали эту платформу, ничего секретного не было, и формально это была бы гражданская сфера.

И эту работу сделали.

И, хотя основная часть кредитов Мирового банка в силу выдающегося менеджмента и моральных качеств либеральных реформаторов пошла прахом, вот это сработало. И сейчас этот комплекс работает, с него можно запускать и запускают ракеты. Не только можем с Байконура запускать, или с Плесецка, или со Свободного...

Знаете, пока в Казахстане Назарбаев, договариваться тяжело, но можно. Потому что он человек той эпохи, он помнит, как должно быть по-правильному, и он понимает в глубине души: то, что сейчас – хоть и выгодно, но неправильно. С этим поколением надо сотрудничать, пока оно еще осталось. С ним договариваться по тактическим вопросам тяжело, но по стратегическим легко, потому что они не отличаются от нас.

И претензии, которые они к нам предъявляют – это претензии, исходящие из советской культурной парадигмы. В основе своей это справедливые претензии, мы ведь сами себе их тоже предъявляем. Их нужно использовать для повышения общей эффективности, для создания синергетического эффекта.

«Морской старт» – один из простых проектов, который может вытянуть нашу космонавтику, потому что это хорошие деньги, которые заработать достаточно просто.

Е. ЧЕРНЫХ: – Михаил Геннадьевич, если бы наша перестройка не была такой разрушительной, а хотя бы по китайскому варианту прошла, и вот этот пример с платформой морской говорит о том, что мы бы сейчас добились больших успехов в космосе.

М. ДЕЛЯГИН: – Главное – вкладывать деньги в воспитание людей и их правильную организацию. Если вы людей научили, мотивировали, дали им мораль, организовали их – при полной разрухе в государстве, при полной коррупции, лжи и воровстве, – они все равно будут делать фантастически красивые вещи, приносящие общее благо.

Эти люди до сих пор работают, просто нужно их использовать. Нужно суметь дать им возможность заниматься любимым созидательным делом. Для этого не нужны деньги – достаточно ограничить коррупцию, ограничить воровство. Да, это проблема, причем проблема политическая. Ее не инженерам решать, не космонавтам и не Главным конструкторам, а нам с вами.

Советский ВПК был уникальным общественным организмом. Потому что им командовали люди, которые четко понимали, что они ничего не понимают в науке, и что ученые и инженеры могут придумывать вещи, какие понять нельзя. Поэтому им давали деньги, не контролируя их слишком занудно, а ученые и инженеры были людьми высокоморальными.

И вещи придумывались фантазмагорические.

До сих пор из всех наработок советского ВПК внедрены жалкие гроши. Ну, могу перечислить по пальцам. Во-первых, тепловой насос. Это система труб, которая вкапывается в землю около дома и позволяет экономить не менее 30 % энергии. И то применяется в основном в мире, а не в России.

Е. ЧЕРНЫХ: – Кое-где уже начинают строить дома по этому принципу.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, у нас тоже строится, но очень мало. Потому что экономия энергоносителей нашим монополистам не нравится.

Второе – противоожоговый крем «Стрептолавен», который, насколько понимаю, лучше даже «Пантенола». Третье – локальная система управления погодой. Когда вы можете разогнать облако в любом месте с минимальными затратами энергии...

Е. ЧЕРНЫХ: – Лужков эти методики использовал, разгоняя облака?

М. ДЕЛЯГИН: – По-моему, нет, это традиционным способом разгоняют, разбрасывая азотнокислосеребряные порошки с самолетов... Есть подозрение, что это просто дороже, и потому для чиновников и монополистов выгоднее.

Опять-таки, над всей Москвой этой новой технологией нельзя разогнать, а над Красной площадью – легко. Причем, всё это технологии, которые применяются в жизни. И коммерсанты наши этим занимались, я сам слушал их доклады не где-нибудь, а в Лондоне...

Но в массовое повседневное применение пошли, по-моему, только смазочные масла и присадки к двигателям, которые восстанавливают сам двигатель.

Это очень хорошие вещи, но, по сравнению с тем, что наработано, это немного.

Мы сегодня, со всеми нашими пороками, можем обеспечить технологический рывок в масштабах всего человечества. За счет того, что наработано Советским Союзом, в том числе, и в космосе.

Но для этого нужно сменить систему управления. Чтобы люди работали не на воровство и не на надувание щек на ширину плеч, а как работали и работают в космосе – на результат.

Ведь с чего начались работы Циолковского? С точки здравого смысла, это фантастика: к нему пришел великий философ, космист Федоров, который сказал, что не сегодня-завтра изобретут живую и мертвую воду, можно будет воскрешать мертвых, и им на земле не хватит места, и их нужно будет отселить в космос.

И вот из этого совершенно философского бреда родились абсолютно практические вещи.

Группа изучения реактивного движения (ГИРД), которая была создана, – это же был энтузиазм в чистом виде. Они же в шутку назывались группой инженеров, работающих даром – сокращение то же самое.

Не только в 30-е, а и в 60-е многое делалось за счет энтузиазма. Очень многое делается и сегодня, несмотря на дебилизацию молодежи, на падение уровня жизни, на деградацию всего и вся. Найти то, что делается сегодня, и использовать это, довольно просто: было бы желание, была бы поставлена задача.

Как только наше государство, наше общество перейдет от решения задачи по воровству и выводу личных капиталов из страны к решению задачи по достижению общественного блага, для которой государство, собственно говоря, и создано, вы удивитесь, какое количество того, о чем мы забыли даже, научную фантастику читая, окажется в нашей повседневной жизни.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да у нас вот действительно все уходит в эпоху средневековья, вся фантастика... Раньше был Ефремов...

М. ДЕЛЯГИН: – Да и Жюль Верн был. А сейчас на смену пришло фэнтези, которое затаскивает нас обратно в архаику...

Это трагедия всего мира – меняется вектор движения, мир архаизируется. Одно из проявлений – замена фантастики на фэнтези. Вот наш философ и историк Андрей Ильич Фурсов обратил внимание на то, что фантастика показывает будущее как будущее, а фэнтези – это будущее как прошлое, это вталкивание нас в архаику.

Но ведь, если вы имеете негативную тенденцию, совсем не обязательно ей подчиняться. Если вы оказались в стаде баранов, вы не обязаны вставать на четвереньки и обрастать шерстью... Если вы попали в стаю леммингов, нам не обязательно с ними прыгать со скалы и разбиваться в пыль...

Мы можем изменить вектор развития нашего общества. Нам придется пройти через неприятные обстоятельства, потому что для этого нужно оздоравливать государство, оздоравливать систему управления, да и самим переставать расслабляться...

А возвращаясь к гибели польского руководства, хочу напомнить: в советское время был польский космонавт, который себя там, в небе, показал хорошо. И пока мы не восстановим нормальное человеческое общество, не будет не только российской космонавтики – не будет ни второго польского космонавта, ни второго польского Станислава Лема, автора великой «Суммы технологий», которого мы знаем, наверное, лучше, чем многие из самих поляков, ни второго Станислава Ежи Леца.

Потому что все это просто останется ненужным, как и сейчас.

14.04.20109

Катастрофка-перестрелка, кто тебя выдумал?

М. ДЕЛЯГИН: – 28 лет назад началась перестройка, которая имела судьбоносное влияние на нашу страну.

Более четверти века назад, более жизни целого поколения.

Давайте вспомним: это был совершенно потрясающий момент.

Первый психологический шок советские люди эпохи позднего «застоя» испытали от Андропова: после последних лет Брежнева во главе государства вдруг встал человек, речи которого имели смысл. Ведь советское общество просто отвыкло от того, что Генеральный секретарь ЦК КПСС может говорить что-то содержательное – бессмысленные, бессвязные, да еще и не очень разборчивые заклинания стали повседневной нормой.

При этом Андропова не очень любили, несмотря на удешевление водки, – за длительное руководство КГБ и «завинчивание гаек», доходившее до отлавливания людей в кинотеатрах, парикмахерских...

Е. ЧЕРНЫХ: – И в банях.

М. ДЕЛЯГИН: – Да где угодно. Причем никто так и не удосужился озаботиться вопросом, почему в рабочее время советские люди могут оказываться где угодно? Может быть, им просто нет работы на их рабочих местах? Может быть, то, чем они на этих местах занимались, просто никому не нужно?

Но при Андропове государство умело ускользало от задавания – пусть даже самому себе – подобных вопросов с заведомо неудобными ответами. И предпочитало ловить своих граждан, по сути дела, придираясь к ним по сугубо формальным причинам.

Как в 1997 году Чубайс, «укрепляли дисциплинку», не задумываясь о том, зачем эта «дисциплинка» нужна и решению каких задач она способствует.

Но были действия и безусловно правильные. В школах вдруг вспомнили – естественно, после увесистого указания «сверху», – что есть такая штука, как Гимн Советского Союза.

И нас заставили его выучить.

И, когда сейчас стадионы встают где-нибудь на Западе или в нашей стране и поют Гимн Советского Союза, послушайте, что они поют. Послушайте, что поет российский болельщик, особенно на Западе, – это иногда показывает даже официальное, раздавленное бюрократией телевидение. Поразительно, когда про «партию Ленина – силу народную», которая «нас к торжеству коммунизма ведет» истово поют не просто вполне обеспеченные, но и люто ненавидящие коммунистов во всех видах люди.

А причина проста: они ведь не про коммунистов и даже не про коммунизм – они про свою уничтоженную, отчасти и ими самими, страну поют. И про надежду на ее восстановление, которая остается жива, несмотря на все совместные усилия либеральных фундаменталистов и других профессиональных «любителей» русского народа.

Ну, и другая причина того, что мы поем именно Гимн Советского Союза – специфические слова нынешнего гимна России, которые при детях и людях со свежим восприятием лишний раз произносить не стоит. К автору вопросов нет – дай нам всем бог дожить до тех лет, в которых он свое творение в третий раз перекраивал, – а вот ко многим другим вопросы только нарастают...

Е. ЧЕРНЫХ: – Жаль, что все реже и реже нашим болельщикам приходится исполнять гимн.

М. ДЕЛЯГИН: – Ну, болельщики-то и перед игрой поют. И если они знают, что им петь, то это – эхо андроповского решения, что школьники должны знать гимн страны, в которой они живут.

Е. ЧЕРНЫХ: – Мы не изучали, я уже работал в то время.

М. ДЕЛЯГИН: – А мы сдавали экзамен и по гимну, и по гербу, и по устройству власти. Поразительно, какое количество школьников старших классов искренне не имело представления о «тоталитарной», как сейчас любят нам рассказывать либералы, власти! Не знали даже должность Андропова, а часто путались и в его фамилии – как в европейской демократии какой-нибудь.

А экзамен по гербу сейчас мог бы легко трактоваться по 282-й, «экстремистско-русской», статье Уголовного кодекса. Мол, изобразите герб и расскажите, из чего он состоит и что его части символизируют. А попробуйте, не имея художественных способностей, нарисовать герб – получается какой-то бесформенный кочан капусты, никаких сатириков не нужно; иногда такое выходило из-под руки, что все принимавшие просто умирали со смеху вместе с экзаменуемым.

Но, по крайней мере, из чего он состоит и почему, надо было знать наизусть.

А после Андропова к власти пришел Черненко, который руководил страной в состоянии хуже Брежнева. Это про него была шутка – «не приходя в сознание, после тяжелой продолжительной болезни приступил к исполнению обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС».

Е. ЧЕРНЫХ: – Он был сначала крепкий. Говорят, отравили его.

М. ДЕЛЯГИН: – Крепкий он был аппаратчик. А насчет «отравили» – разные разговоры ходили, и про Андропова тоже были разные разговоры.

Это про Брежнева все известно: что, где, когда – такой вот «тоталитарный лидер» «империи зла». Обвал в его здоровье наступил после того, как на него в цеху Ташкентского авиазавода, куда он приехал, упало строящегося крыло самолета, потому что люди побежали смотреть на него и массой полезли на это крыло. Оно упало под их тяжестью, придавило Брежнева, сломало ключицу.

Е. ЧЕРНЫХ: – Я думал, это анекдот?

М. ДЕЛЯГИН: – Ну, вот так мы свою историю знаем. Брежнев, несмотря на то, что перелом ключицы, – а это ужасно больно, – все равно провел встречу с людьми и только потом уже поехал лечиться. Это был, при всех недостатках, человек старой школы, который всегда помнил, что люди имеют права, а власть им обязана, потому что при забвении данного принципа случаются революции.

Это был где-то 1977 год. Потом у него наступило обвальное ухудшение здоровья. Ходят разговоры про медсестру от Андропова, которая давала ему снотворные мимо всех врачей... Но что стало толчком разрушения здоровья, известно: долгие годы напряженной работы «на износ».

И вот, когда после товарища Черненко приходит товарищ Горбачев, прежде всего режет глаз его относительная молодость: становится ясно, что «гонка на лафетах» окончена, что этот человек пришел не на год и не на два.

Интересно, кстати, что первоначально на всех не только фотографиях, но и телесъемках родимое пятно у Горбачева ретушировали. И, когда это пятно стали показывать, – по-моему, где-то с 1989 года, – стало ясно: произошла десакрализация власти, она качественно ослабела. По эффекту это можно сравнить с тем, когда после расстрела Дома Советов в 1993 году даже самые демократические издания тогдашней России слово «президент» по отношению к Ельцину начали писать с маленькой буквы. Это был внутренний психологический перелом у журналистов, да и всего общества: даже демократы и либералы после того расстрела просто не могли писать слово «президент» с большой буквы.

В момент прихода к власти Горбачев был весь сияющий, лакированный; он был молод, свеж, бодр – и он впервые напрямую общался с людьми.

Но главное было не в этом.

Как Андропов шокировал советский народ тем, что в выступлениях его руководителя может быть простой и понятный смысл, так и Горбачев потряс способностью говорить по-

человечески, а не казенными сухими штампами, а затем и потряс способностью говорить «без бумажки».

А слова Горбачева о необходимости обновления – это действительно было глотком свежего воздуха. И то, что стало что-то делаться, что-то меняться (пусть даже и в не очень правильном направлении, как борьба с нетрудовыми доходами), что государство из тупой косной машины вновь стало инструментом развития нашего общества – это напоминало религиозное откровение.

Сейчас невозможно себе представить порожденный этим энтузиазм. Я помню тот самый май 1985 года: только что объявлена борьба с пьянством, навстречу мне по улице идет слегка нетрезвая женщина лет 45-ти с полбутылкой водки в руке. И вот она на меня, десятиклассника, смотрит, протягивает полбутылки и говорит: «Я больше не пью, возьми, тебе пригодится», – это ведь валюта была в то время. Я застеснялся, да и не пил тогда еще, и в итоге не взял...

От введения «сухого закона» умерло довольно много людей, потому что при резком прекращении потребления алкоголя у организма, который к этому привык, сжимаются сосуды. Нельзя забывать и о подрыве бюджета, которым обернулась антиалкогольная кампания в самый неподходящий момент.

Но главное – не в этом, а в «поколении Горбачева», которому сейчас в среднем 24 года: это люди, которые родились благодаря «сухому закону». Их просто не было бы, если бы их родители пили по-старому. Мне один из них написал: «Никогда не прощу Горбачеву развал страны, но и добра не забуду: своего рождения и того, что все здания, в которых пришлось жить и бывать – квартира, детский сад, школа, поликлиника и прочее – были построены при нем, в конце 80-х годов».

Мы привыкли ругать Горбачева, и, в общем, – за дело, потому что он действительно развалил страну и вымостил дорогу либеральным фундаменталистам, свято верующим в то, что солнце восходит не просто на Западе, но и непосредственно в Вашингтоне.

И, конечно, когда он говорит, что лично не пролил ни капли крови... Выходит, что кровь пролилась сама? Это напоминает заявления польских властей о том, что они не убивали советских военнопленных, а те умерли сами от голода и болезней. Мол, таков был их свободный демократический выбор.

Мы этого не забудем, но и хорошего забывать не надо. Ведь чувство свободы – это очень сильно, нам это сегодня трудно даже представить. Хотя успехи Горбачева – оборотные стороны его поражений.

У него было два выдающихся достижения, которые сейчас мы не можем осознать в полной мере, потому что то время уже давно прошло и многое просто забылось.

Прежде всего, тогда резко исчез страх перед КГБ. Я хорошо помню май 1986 года, когда я сидел в университетском парке на скамеечке и писал заметки, как устроена советская экономика с точки зрения политэкономии. Когда дошел до того, что капитализм – это эксплуатация человека человеком, а социализм – это эксплуатация человека государством, у меня возникло ощущение, что у меня стоят за спиной и смотрят мне через плечо. Этот ужас отщепенства я помню до сих пор.

Ужас не потому, что поймают и накажут, а потому, что все люди нормальные, а ты какой-то не такой, ты просто урод, если до такого додумался.

Е. ЧЕРНЫХ: – Да не было такого страха перед КГБ. Я студентом был в Питере в 70-е годы.

М. ДЕЛЯГИН: – Это даже не перед КГБ, а перед собственным отдалением от общества. Но в разных социальных слоях это, конечно, было по-разному.

Е. ЧЕРНЫХ: – Я студентом пел, выпив, «Ни страны, ни погоста» Бродского. Это запрещенное. И никто не боялся.

М. ДЕЛЯГИН: – Запрещенное, но советское, свое. А мысль о том, что социализм – это тоже эксплуатация, это совсем другое...

А бессмысленные запреты игнорировали, не переставая быть советскими людьми, и из советского патриотизма тоже: мой дед воевал, а вы кто? В старших классах учителя запрещали рок – и все из принципа расписывали сумки эмблемами «Metallica» и «AC/DC», даже не поклонники этих групп. А наиболее продвинутые периодически бегали к Макаревичу, благо это было на расстоянии где-то километра от школы.

Было запрещено стричься «под Гитлера», то есть подбривать виски – и многие делали это из принципа. Носили панамы просто потому, что какому-то мракобесу-охранителю взбрело в голову, что немцы такие панамы якобы носили во время войны.

Бреда было много, но, протестуя против этих бессмысленных запретов поведением и всем остальным, люди чувствовали себя все равно советскими людьми – это принципиально важно.

Е. ЧЕРНЫХ: – Поэтому сильного страха не было.

М. ДЕЛЯГИН: – Страх был, но не конкретно перед КГБ. Очень сильный страх был именно перед отщепенчеством.

Е. ЧЕРНЫХ: – Наверное, в Москве.

М. ДЕЛЯГИН: – Здесь тоже все очень делилось по социальным слоям, как и сейчас делится. Безусловно, есть и была «золотая молодежь», которая еще при Сталине над всем этим смеялась. Но в моем кругу было иначе. Например, практически все мои друзья служили в армии, и мысль о том, что можно «откосить», просто не возникала.

И чувство освобождения от страха, даже не осознаваемого, Горбачев породил – я хорошо помню.

Когда мы были еще маленькие, был в гостях, по телевизору показывали то ли «Малую землю», то ли «Целину», и родители, у которых я был в гостях, над ним посмеивались. Но когда мы, маленькие, начали этим родителям подражать, на нас цыкнули так, что я до сих пор помню.

Мы четко ощущали некие табу, к которым нельзя – не «опасно», а именно «нельзя» – даже приближаться.

И вот это ушло, и это правильно, потому что человек создан для свободы, а не для страха. Что пришло взамен – другой разговор. Нынешняя Россия на порядок хуже Советского Союза, но освобождение от страха перед собственной мыслью – это бесспорная заслуга Горбачева.

И второе, что ушло – страх ядерной войны.

Конечно, Горбачев во внешней политике «сдал» все, что можно и что нельзя. Так, мой знакомый бизнесмен занимается своим делом, у него все в порядке, но у него до сих пор перед глазами стоят офицеры армии ГДР, с которыми он когда-то вместе учился и которые его со слезами на глазах спрашивали: «Вы хоть понимаете сами, за что вы нас продаете? Или вы нас продаете просто так?».

Е. ЧЕРНЫХ: – А ведь просто так, оказалось, ни за что продали. Берия хоть хотел за деньги продавать.

М. ДЕЛЯГИН: – Почему «просто так»? За звание лучшего немца 1989 года...

Но, несмотря на это, исчезновение страха уничтожения в ядерной войне, за которое Горбачева до сих пор любят на Западе, – великая вещь. Вот я учился в нормальном московском классе обычной школы, и у нас были психозы. Дети ночью просыпались с криком ужаса: им казалось, что началась ядерная война.

Очень хорошо, что это ушло, хотя сегодня многие дети просыпаются с криком ужаса от того, что им кажется, что пришли кавказские бандиты.

Но этого же можно было достичь не такой ценой и кровью – сохранив страну. И это вечный упрек не только Горбачеву, но и всем, кто тогда жил. Я знаю людей, которые до сих пор не могут себе простить искреннего, с энтузиазмом, участия в перестройке.

Людям дали свободу вместо решения экономических проблем, – и люди радостно побежали вперед.

Да, было много сознательных, циничных политических диверсий. Но главным локомотивом было желание советского правящего класса – партхозноменклатуры – получать доходы от того, что они управляют. Они распределяли ресурсы и не хотели быть собственниками, но хотели получать столько же и жить так же, как живут их западные партнеры по многим переговорам. Ведь все разговоры про «железный занавес» во многом условны: были довольно интенсивные поездки лояльных государству людей на Запад, и каждый человек оттуда привозил кучу вещей и рассказов.

Е. ЧЕРНЫХ: – Джинсы, магнитофоны.

М. ДЕЛЯГИН: – Записи, музыку, журналы – все, до презервативов включительно, и эти поездки имели мощный кумулятивный эффект.

Но главное – советские руководители разных уровней, общаясь с людьми своего уровня на Западе, ведя с ними переговоры или просто беседуя, видели, что эти их коллеги по профессионализму, а часто и по человеческим качествам не годятся им в подметки, а живут на порядок, на два порядка лучше, чем они.

И они хотели жить так же, а для этого нужно было отщипнуть себе часть ресурсов, которые они распределяли.

Отдельная линия – сознательное размывание, корруммирование аппарата ЦК КПСС, да и всего аппарата управления. Самые замшелые люди читали в развитых странах лекции, и приглашающая, западная сторона платила им за эти лекции безумные деньги – до 10 тысяч тогдашних долларов.

Это была страшная сумма для Советского Союза. В начале 1991 года у меня в кармане завелось 10 долларов, так я чувствовал себя миллионером...

Данное стремление партхозноменклатуры – естественное стремление! – потреблять, как на Западе, все и сломало. Люди не думали сложными категориями, думали категориями простыми.

Е. ЧЕРНЫХ: – Над ними не было Арвида Пельше с комиссией партийного контроля.

М. ДЕЛЯГИН: – Если система базируется на конкретных людях, это значит, что ее нет. Стандартный управленческий тест: эффективно организованная структура та, в которой годового отсутствия руководителя просто никто не заметит.

Если Арвид Янович Пельше умер, и система на этом закончилась – значит, она умерла значительно раньше.

Партхозноменклатура отнюдь не хотела устраивать «катастрофку, переходящую в перестрелку»: она хотела, как лучше, но не знала, как.

Е. ЧЕРНЫХ: – И потому «получилось, как всегда».

М. ДЕЛЯГИН: – Благими намерениями была вымощена дорога в ад либеральных реформ.

Мы должны понимать, что стандартный треп о том, что все развалили коммунисты во главе с Горбачевым, отчасти является правдой. Потребительский рынок Советского Союза рухнул уже в ноябре 1987 года.

Как это случилось?

В 1986 году было принято решение о трех принципиальных действиях. Первое – создание кооперативов как инструмента перевода материальных ценностей из государственного сектора с централизованным распределением и фиксированными ценами в частный сектор со свободными ценами. Это разом, одним движением уничтожило основу советской экономики. Рассыпалась система балансов – а значит, и материальная сбалансированность хозяйства. Товарный дефицит многократно усилился, так как столкнувшиеся с нехваткой необходи-

мой продукции приходили за ней на частный рынок, и цены на нем подскакивали, стимулируя переток на него все новых и новых ресурсов.

Таким образом, усугубление дефицита и рост цен шли рука об руку.

Вторым шагом Горбачева в экономике стало создание товарно-сырьевых бирж. Они консолидировали маленькие товарные партии, которые вытаскивали из государственного сектора кооперативы, в большие товарные партии, чтобы было удобнее выкидывать их на экспорт.

И, наконец, третья компонента перестроечной экономической политики – относительная свобода внешней торговли, чтобы вытащенные из живого экономического организма ресурсы направлять на экспорт и получать за это живую валюту, точнее – ширпотреб, которого не хватало.

Эта система была введена с 1 января 1987 года и уже через 10 месяцев, как я говорил выше, уничтожила сбалансированность потребительского рынка.

Вводившие ее люди не очень понимали, что творят. Неосознанные, неперсонифицированные интересы советского правящего класса реализовывались во многом бессознательно. Если бы объяснить участвовавшим в этом людям, что они тогда творили, они визжали бы от негодования и посыпали голову пеплом. Но тогда они этого не понимали.

Е. ЧЕРНЫХ: – Кто конкретно?

М. ДЕЛЯГИН: – Прежде всего, Совет Министров Советского Союза.

Е. ЧЕРНЫХ: – Во главе с Рыжковым?

М. ДЕЛЯГИН: – Во главе с Николаем Ивановичем Рыжковым, которого я очень сильно уважаю, хотя и не за это. Думаю, не только в Спитаке должна быть улица его имени, но и в Москве, причем обязательно при жизни.

Конечно, это «плачущий большевик» – его реально довела до слез депутатская шантрапа, вся эта «демшиза». И, когда он сказал: «Вы еще вспомните мое правительство как правительство честных людей, как хорошее правительство», – я тогда посмеялся, но уже лет через пять, даже раньше, при Гайдаре, действительно, вспомнил добрым словом. Поговорка «Откопаем Брежнева, будем жить по-прежнему» – фраза 1988 года. В 1986–87 годах вместо «жить» произносилось «пить».

Е. ЧЕРНЫХ: – Была фраза в 60-х: «Говорит Косыгин Брежневу: давай, друг, жить с тобой по-прежнему». Когда Хрущева убрали.

М. ДЕЛЯГИН: – Принятие этих решений было очень страшным, потому что это полностью разбалансировало экономику. Причем на уровне базовом, на уровне сырья.

Е. ЧЕРНЫХ: – Вот почему все пропало.

М. ДЕЛЯГИН: – ВПК обладал приоритетом и себе все забирал по-прежнему, что было нужно и даже больше нужного, так как утечка ресурсов в частный сектор шла и из него самого, и ему требовались ресурсы и для своего производства, и для этой ширящейся утечки.

Эти ресурсы забирались, естественно, у гражданского сектора, дополнительно усугубляя дефицит в нем.

Все рассыпалось, и уже со второй половины 1989 года работать стало, по сути, бессмысленно: с коммерческой точки зрения имело смысл только спекулировать.

А ведь 1989 год – это пик Советского Союза: с одной стороны, у людей был приработок, а с другой – крах потребительского рынка еще удерживался в некоторых рамках. И, конечно, свобода, инициатива, возможность зарабатывать деньги, возможность самореализовываться... Это был лучший год, но по сути – смерть на взлете.

Е. ЧЕРНЫХ: – А тут все надеялись, что рынок спасет страну. По примеру знаменитого Рижского рынка.

М. ДЕЛЯГИН: – Мне даже стыдно снова произносить тогдашние слова о том, что «рынок спасет страну». Ведь рынок без регулирования не существует: без регулирования возникает сначала хаотическая, а потом все более жестоко выстроенная централизованная монополия

над всеми остальными. Государство ведь существует не по чьей-то воле, а потому, что без него рыночные отношения невозможны: оно одно способно обуздать алчность монополий.

Е. ЧЕРНЫХ: – А тогда верили.

М. ДЕЛЯГИН: – Тогда были абсолютно первобытные представления об экономике, густо пересыпанные пропагандой, – примерно на уровне современных либералов.

И была страшная, всепобеждающая жажда простых рецептов.

Ведь советское руководство откровенно не справлялось почти ни с чем. И тогдашнее негодование в отношении его аукается нам и сейчас. Ведь когда иногда даже почти приличные люди говорят, что нам не нужна демократия, поскольку это страшная вещь, которая достойна только специально подготовленных людей, а обычный народ не может иметь доступа к демократии, потому что это кончится плохо – это эхо конца 80-х годов, когда действительно все посыпалось.

Судьба страны попала непосредственно в руки народа – и, увы, мы своими руками свою страну развалили. Конечно, снимать ответственность с высокопоставленных предателей, уничтожавших нас вполне осознанно, вроде, насколько можно понять, «архитектора перестройки» Яковлева, не стоит, но огромная часть общества поддалась на их провокации с восторгом и ликованием. Самый главный урок конца 80-х годов – то, что перед тем, как что-то рушить, нужно понимать, что строить. Общие схемы недопустимы.

Ведь чем отличались советские диссиденты от восточноевропейских? Советские сидели на кухне и ругали Брежнева. Восточноевропейские диссиденты сидели на точно таких же типовых кухнях и точно так же ругали Брежнева и свое начальство. Но при этом они еще и прорабатывали свой собственный проект. Они думали, что предложить своему обществу, и какой должен быть путь развития этого общества.

Е. ЧЕРНЫХ: – Я работал в 90-е в Чехословакии. Там к власти пришли умные диссиденты.

М. ДЕЛЯГИН: – Да, проект у них был простой: вперед, в Европу! Им было проще, чем нам: им было достаточно выписаться из одного проекта и вписаться в другой, им не нужно было придумывать свой. Но, тем не менее, в принципе они действовали правильно.

Хотя в той же Чехии были страшные вещи с реституцией. Когда несколько десятков тысяч семей просто выбросили на улицу и сказали: живите, как хотите. Как после войны в Польше и Чехословакии 11 миллионов немцев выгнали из домов и сказали: идите, куда хотите. И до сих пор во многих местах те дома стоят незаселенные; это было самое большое насильственное переселение людей в известной истории человечества...

Россия страна жестокая, но вот так у нас не бывает. Даже в рамках сталинского террора, даже переселение народов происходило в заранее подготовленные поселки. Да, барачного типа, но были подготовлены, а другого типа тогда и не было.

И для нас сегодня самый главный урок: перед тем, как критиковать, надо четко сказать, чего мы хотим. Свободы болтать недостаточно: это показал опыт и перестройки, и Февральской революции.

Это часто говорят нам неправильные люди, но это абсолютно правильный подход: прежде всего мы должны иметь образ желаемого будущего, «град на холме». Только тогда разрушения будут не тотальны, только тогда можно будет убрать из системы именно то, что сгнило, а то, что работает, оставить. И это будет тонкая надстройка, которая позволит обойтись без шоковой терапии, без катастроф, разрушений.

Е. ЧЕРНЫХ: – Как в Китае.

М. ДЕЛЯГИН: – Мы ведь до сих пор не понимаем своим европейским умом, чем были так называемые «события на Тяньаньмыни». Нам до сих пор кажется, что люди вышли протестовать по своей инициативе, но в китайском обществе такое количество людей могло выйти только по команде компартии. За этими «событиями» стояли мощные кланы тогдашнего руководства китайской компартии, которые поставили на Горбачева, который тогда, во время сво-

его визита, жил чуть ли не окнами на эту площадь. Они хотели пустить Китай по советскому, горбачевскому пути. Однако Горбачев не стал вмешиваться, не стал призывать китайцев к революции, не стал осуждать деятельность властей. Тогда его за это осудили в России, но сейчас китайцы должны быть ему благодарны за то, что он хоть в Китае повел себя правильно.

Но тогда волнения захватили заметную часть Китая, и часть армейских подразделений выступила на стороне протестующих, против других подразделений армии, которые шли на подавление этого восстания.

Е. ЧЕРНЫХ: – А мы считаем, что это просто студенты вышли на эту площадь. Их перестреляли – и все.

М. ДЕЛЯГИН: – Там было символическое требование Дэн Сяопина о том, что ни одной капли крови не должно пролиться на Тяньаньмыни. Но что творилось на окружающих улицах, об этом лучше даже не думать. В отличие от расстрела Дома Советов, мы никогда не узнаем, сколько там было погибших на самом деле. Думаю, и китайцы не узнают. Но страна после этого пошла в правильном направлении.

Иногда демократия в критических ситуациях бывает разрушительной, иногда ее нужно ограничивать, если у вас есть понимание того, чего вы хотите в конечном итоге.

И, если вы хотите не просто пограбить и повесить свой уровень благосостояния до уровня коллег за рубежом, если вы хотите обеспечить развитие страны, – тогда у вас все получится.

Это самый страшный урок перестройки.

Более четверти века прошло с ее начала, более жизни целого поколения. Мы еще после этой перестройки не то что на ноги – на карачки вставать не начали. Как она началась, так мы все падаем, падаем и падаем. Пора заканчивать этот процесс. Пора начинать вставать на ноги.

Е. ЧЕРНЫХ: – Это то, что ждет нас впереди.

М. ДЕЛЯГИН: – Мы забыли, что оттепель, которая была и в 60-е годы, и при Горбачеве, – это, собственно говоря, не свобода, а лишь возможность бороться за нее. Ведь часто, как, например, сейчас, и борьба за свободу, по сути, запрещена, да и в целом любая борьба, в том числе – и за свои права.

Оттепель не дает вам права, она дает вам лишь возможность бороться за них, и то не очень свободно бороться. Последние диссиденты в Советском Союзе сели в тюрьму в 1988 году, причем в Санкт-Петербурге.

Их судили по 70-й статье Уголовного кодекса, брежневскому аналогу нынешней «экстремистской» 282-й, и посадили в тюрьму.

Е. ЧЕРНЫХ: – То есть уже при Горбачеве?

М. ДЕЛЯГИН: – Да. По валютным делам у нас уже не сажали, а по диссидентству еще сажали. Так что борьба в условиях оттепели небезобидна и небезопасна. Оттепель – это не создание комфортных условий для тех, кто хочет чего-то хорошего: комфортных условий не бывает, на самом-то деле.

Оттепель – это возможность бороться. Тогда она появилась и должна была очень быстро реализоваться. Ситуация многократно усугублялась наличием советского народа, образованного и морального.

В Советском Союзе ведь было лучшее обучение и воспитание людей. Мы не любим советскую школу, мы знаем все ее недостатки, но совершенно забыли ее достоинства, и только на примере нынешних новых, дебилизированных либеральными реформами поколений начинаем понимать, какая это была великая вещь – советская школа.

Е. ЧЕРНЫХ: – И что мы потеряли.

М. ДЕЛЯГИН: – Советские люди в массе своей обладали исключительно высокими личными качествами. Они были честными, добрыми – правда, эта доброта аукается нам до сих

пор неспособностью действенно противостоять насилию, как бытовому, так и преступному, в том числе со стороны государства.

Советские люди в массе своей были добросовестны и моральны, они искренне считали, что живут в первую очередь для блага всей страны. Было очень сильное родство всех советских людей, которым до сих пор пользуются разнообразные мошенники – от цыган до министров и дальше.

С другой стороны, государство давало вполне приличный прожиточный минимум. Вы могли быть младшим научным сотрудником, ничего не делать, но уж свои 90 рублей вы имели по-любому. И свое жилье вы имели: хорошее, плохое, маленькое, закуток, коммуналку, но имели. И потому вы имели объективную возможность для интенсивной общественной деятельности и, как только она стала возможна, народ бросился заниматься ей.

При этом не могу не вспомнить потрясающую фразу академика Абалкина: «Мы думали, что котел бурлит, кипит, что сейчас снесет крышку; крышку сняли, пар вышел, – а вода-то холодная».

Искренние горбачевисты всерьез надеялись, что, если государство даст людям права и свободы, те сами сделают за государство всю работу.

Е. ЧЕРНЫХ: – Леонид Иванович Абалкин – один из «прорабов перестройки».

М. ДЕЛЯГИН: – Очень хороший, честный человек, большой жизнелюб.

Е. ЧЕРНЫХ: – Был академик Аганбегян, тоже «прораб перестройки».

М. ДЕЛЯГИН: – Не будем смешивать разных людей.

В Советском Союзе не было рынка. Экономисты играли в перестройке огромную роль, но никто из этих экономистов не понимал, что такое рынок, в который он ведет страну, потому что ни минуты в нем не жил и не работал.

Не кто-нибудь, а Сталин в 1952 году заявил: если мы не создадим кадры экономистов, которые будут хорошо разбираться в современных технологиях, хозяйстве и в хозрасчете – мы погибнем.

Сталин говорил в таком стиле, будучи руководителем страны, всего лишь два раза. Сначала в начале 30-х, что нам за 10 лет нужно пробежать тот путь индустриализации, который Запад прошел за 50, или нас сомнут, а второй раз – в 1952 году, но вскоре после этого умер.

Кадров экономистов не создали, те, кто так назывался, были начетниками. Они хорошо разбирались в планово-распределительной системе, но, когда она начала размываться стихийным рынком, – увы: нельзя требовать от людей слишком многого. Очень печально, что среди них не оказалось гениев, что талантливые люди ушли в личную жизнь, а не в развитие общества, что система управления отторгла тех квалифицированных специалистов, которые были – просто потому, что они говорили неутешительные вещи.

Это и сейчас происходит в полном масштабе.

Но советские люди были искренни, и самое страшное заблуждение окружения Горбачева, – как, кстати, и Временного правительства, – заключалось в искренней вере в то, что, если дать людям свободу, они сами сделают всю работу за государство.

Это типично советское, коммунистическое обожествление народа. Мысль о том, что есть функции, которые народ без государства не сделает, и это накладывает ответственность на представителей государства, была им недоступна.

В результате горбачевское освобождение оказалось тотальным: не только освобождение обычных людей от страхов, но и освобождение чиновников от ответственности, от сверхзадач советской эпохи.

И это было самым страшным, потому что без сверхзадачи человек не существует.

Помню, когда в Москве восстанавливали Храм Христа Спасителя, мне случилось говорить с одним из спонсоров строительства, и я сказал: «Какая мерзость, на этот храм вы ски-

дываетесь, а чтобы бабушкам помочь, вы ведь никто не скинетесь». И он очень мудро ответил: «На то, чтобы помочь бабушкам, нельзя собрать десятой доли того, что собрано на храм».

Потому что люди живут ради сверхзадачи. Как только вы перестаете решать сверхзадачу, вы рассыпаетесь, не можете решить самых простых задач.

Грубо говоря, человек чистит ботинки, пока он строит храмы, космические корабли, коммунизм, свою родину. Как только рядовой человек начинает зарабатывать на бутылку пива и бутерброд с колбасой, он перестает чистить ботинки: ему это незачем. Он опускается и умирает даже не от цирроза печени, а просто от нечищенных зубов.

Человек – промежуточное звено между обезьяной и божьим замыслом. И как только мы даем себе поблажку и забываем о своем высшем предназначении, мы начинаем падать настолько низко, насколько мы себе даже не могли представить. Это то, что случилось с последним поколением перестройки.

Самую страшную ложь я услышал не от Ельцина, не от Чубайса и не от Путина. Самую страшную ложь я услышал в апреле 1991 года от деятелей, которые тогда поддерживали первое, «павловское», повышение цен на некоторые виды товаров, достигшее трети. Люди реально теряли покупательную способность, проваливались в бедность, а им говорили: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. И добавляли: не волнуйтесь, хуже не будет, потому что уже некуда.

Второе заклинание повторяли и перед гайдаровскими реформами. Так вот, абсолютной истины нет, а абсолютная ложь есть. Это фраза «Хуже не будет». Всегда может быть хуже, об этом нужно помнить и думать о том, что вы делаете, и что с вами делают, и зачем.

Более четверти века назад началась перестройка. Это не праздник, это день со слезами на глазах. Потому что перестройка – символ обманутых надежд. Перестройка, переходящая в перестрелку. Катастрофа.

В целом коммунисты, с которыми я тогда общался, были очень достойными людьми. В первой половине 90-х и в начале 2000-х годов люди, которые работали в системе управления при Советском Союзе, были лучшими кадрами. Они знали дело, были ответственными, на них можно было положиться. Это были моральные люди и очень квалифицированные.

Как они так смогли все упустить из рук, для меня загадка.

Многие друзья в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, в Молдавии, в закавказских государствах вспоминают одно и то же: националисты, которые в конце 80-х под разговоры о демократии рвались к власти и приходили к ней в начале 90-х, делали это под прикрытием спецслужб Советского Союза. Их защищали и всячески оберегали...

Могу привести два примера, которые будут разрывать нашу душу, пока мы не исправим ситуацию, примеры того, как Горбачев и его окружение сдавали интересы нашей страны, причем бесплатно, бездарно, позорно. Отдавая в виде подарка то, что у нас не просили, за что на худой конец можно было получить безумные деньги.

Прежде всего – воссоединение Германии. За него Советскому Союзу, насколько помню, предлагали 450 млрд тогдашних долларов. Это несколько триллионов сегодняшних.

При этом были четкие гарантии демилитаризации Восточной Германии, ни о каком НАТО даже для бывшей ГДР и речи не было. А мы, по итогам, получили всего 5 млрд марок кредита, который надо возвращать. И вернули – за счет разрушения России.

Схожая история с Южной Кореей: ее признали в 1990 году за копеечный кредит. Хотя была базовая позиция, что мы признаем Южную Корею, если США признают Северную Корею. И американцы уже были готовы прогнуться. Но тут наше руководство сделало им подарок. Как тогда говорили в аппарате, за сто тысяч долларов, занесенных в нужный кабинет.

Внешняя политика Горбачева – первая кровоточащая рана.

Вторая – развал Советского Союза.

Как хорошие люди, честные в массе своей, знающие люди, которые всю свою жизнь отдали этой стране, как они своими руками с огромным энтузиазмом уничтожали свою страну?

Страшная боль, когда вы у живых людей, бывших при власти, видите в глазах тихую безысходную тоску. Они тоже не могут сами понять, что с ними происходило. Вот это страшно.

Причина краха советской цивилизации – перерождение советской партхозноменклатуры. Она отказалась от сверхзадачи – построения коммунизма. Тем самым отказалась от войны, – но и от идеи справедливости. И, отказавшись от нее, стала жить ради личного материального потребления, и это стремление очень быстро разломало все сдерживающие рамки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.